

А. А. Вилинович

Остан Бендер и Воронцовский дворец

*- О, графиня! Так где же ваши золотые и
серебряные кубки французских и итальянских мастеров?*

- Ищите. Найдете, вашими будут...

Дальнейшие похождения Остапа Бендера

Анатолий Вилинович

**Остап Бендер и
Воронцовский дворец**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

2014

Вилинович А.

Остап Бендер и Воронцовский дворец / А. Вилинович —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,
2014 — (Дальнейшие похождения Остапа Бендера)

Предлагаемый роман является продолжением предыдущих романов:
«Дальнейшие похождения Остапа Бендера», «Остап Бендер в Крыму». Со
своими верными друзьями великий комбинатор – искатель миллионов
возвращается в Крым с намерением всё же отыскать сокровища графини.

© Вилинович А., 2014
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого, 2014

Содержание

ОБ АВТОРЕ	7
ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СНОВА В КРЫМУ	12
Глава 1. Актив и пассив компаньонов	12
Глава 2. Великий Господин Случай	14
Глава 3. «Фотографии ваши, но они – не наши»	23
Глава 4. В «Доме обслуживания населения Крыма»	29
Глава 5. В «Кичкинэ»	38
Глава 6. «Вы так неожиданно сошли с поезда...»	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

АНАТОЛИЙ ВИЛИНОВИЧ ОСТАП БЕНДЕР И ВОРОНЦОВСКИЙ ДВОРЕЦ

*Посвящается моей матери Зинаиде, замечательной рассказчице
невыдуманных историй.*

ОБ АВТОРЕ

Вилинович Анатолий Алиманович – автор с пятидесятилетним творческим стажем, член Международной ассоциации писателей, кинодраматург, режиссер, журналист-международник. Автор кинофильма о строительстве нефтепровода «Дружба», удостоен двумя дипломами, а за радиопьесу «Падение региона» удостоен премии радиостанции «Немецкая волна».

В творческом активе писателя – более десяти лите-ратурно-художественных-документальных романов, киносценариев, пьес. Названия некоторых произведений: «Операция «Резиденция», «Гиммлер и Борман в поисках перемирия», «Фальшивомонетчики», «Декамерон комического и смешного», первые четыре выпуска которого: «Театр», «Влюбчивый и возлюбленная», «Любовь под Ай-Петри», «Королевский бал-турнир» и далее, так как «Декамерон» с греческого – десять – вдесятеро!

Широкую известность получил роман «Дальнейшие похождения Остапа Бендера» продолжением этой книги и являются «Остап Бендер в Крыму», «Остап Бендер и Воронцовский дворец», «Остап Бендер агент-ГПУ и другие.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга «Остап Бендер и Воронцовский дворец» продолжает повествовать о дальнейших похождениях Остапа Бендера, – замечательного литературного героя из произведений великих писателей Ильи Ильфа и Евгения Петрова.

Краткое содержание предыдущей книги «Остап Бендер в Крыму». Избавившись от кес-сонной болезни, которую он получил в поисках сокровищ на затонувшем деникинском катере «Святитель», Остап Бендер со своими верными друзьями Шурой Балагановым и Адамом Козлевичем отправляется в Крым за графским золотом.

Прибыв в Крым великий комбинатор узнает, что сокровища находятся не в загородном дворце Воронцова в Симферополе, а во дворце в Алушке, откуда последняя владелица дворца графиня Воронцова-Дашкова и покидала Крым, спрятав ценности в тайнике, только ей известном.

Остап узнает, что одна из горничных графини, выйдя замуж за греческого негоцианта, проживает в Севастополе. Компаньоны едут в город вечной морской славы. По пути туда банда Барсукова принимает их автомобиль за такой же автомобиль начальника крымского ОГПУ Ярового. Искатели сокровищ, выдавая себя за археологов, оказываются на грани гибели.

Из разговоров бандитов Остап узнает, что в Севастопольском ОГПУ работает их агент Баранова. Подоспевший отряд чекистов спасает «археологов». Остап сообщает начальнику Севастопольского ОГПУ Железнову и Яровому о Барановой и получает благодарность чекистов и обещание их всячески помогать «археологам» в их работе.

Посетив музей в Херсонесе, где работает бывшая горничная графини Анна Кузьминична. Остап узнает, что она горничная из Симферопольского дворца, и как покидала Крым графиня, ничего не знает. Но она сообщила адреса двух бывших горничных графини в Ялте, кухарки графини Фатьмы в Феодосии, верного слуги дома Романовых Березовского, работающего экскурсоводом в Воронцовском дворце.

Услышав, что её муж греческий негоциант Мишель тоже интересуется Березовским и собирается познакомиться с ним, Бендера заинтересовывает это и компаньоны начинают следить за ним. Мишель встречается с помощником капитана шхуны «Тринакрия», подслушивают их разговор. Выясняется, что их тоже интересует клад графини. О ней моряк сообщает, что графиня Воронцова-Дашкова первые три года после Крыма жила в фешенебельной гостинице в Каннах. Затем переехала в Висбаден, где и умерла в 1924 году. При расставании с Мишелем, моряк передал ему записку, которую компаньонам удастся перехватить. Записка на греческом языке.

Прибыв в Ялту друзья начинают искать способ перевода содержания записки. Обратиться в «Интурист» рискованно, а вдруг там о таком говорится, что этого никому знать нельзя. Записку сфотографировали, разрезали на три части и каждый, взяв одну часть начал обращаться к прохожим с просьбой перевести текст. Но кроме отказов, доходящих до оскорбления, как например: «не приставай, буржуй» из этой затеи ничего не вышло. Тогда Бендер организовывает беспроигрышную лотерею: у входа на пляж с потоком курортников к морю и от него. Плакаты гласили: «Граждане! Беспроигрышная лотерея для знатоков греческого и турецкого языков!» – гласил броско один. «Остановись! Купил ли ты лотерейный билет?! Может быть, именно в нем твое счастье» – было написано на другом. А на среднем, между первыми двумя плакатами: «Купив лотерейный билет, вы имеете шанс бесплатно съездить в Грецию или Турцию!» Бендер кричал: «Беспроигрышная лотерея для знатоков греческого и турецкого языков! Играйте, граждане! Игра бесплатная!».

Желающие запускали руку в банку, выхватывали трубочку-билетик, и, развернув его, пытались прочесть, если там было слово. Морщили лбы, советовались друг с другом и, если

могли перевести на русский язык, подходили к Остапу, Бендер тут же, на обороте билета записывал перевод и по номеру вручал соответствующий выигрыш – конверт с открыткой.

В первый день работы лотереи у пляжа компаньоны получили по десятку переводов каждого греческого и турецкого слова из загадочной записки моряка с «Тринакрии». Великий искатель миллионов до глубокой ночи складывал слова по номерам, как первоклассник – картонки разрезной азбуки, выясняя желанный текст «шифровки». Благодаря лотерее у компаньонов появились новые кандидатуры: дворцовый фотограф Мацков, штабс-ротмистр Ромов, поручики Шагин, Крылов, служившие в Алушкинской пограничной зоне и графский садовник Егоров.

Остап в сопровождении Балаганова отправляется к первой из трех горничных графини Софье Павловне по адресу, полученному им в Севастополе. Представившись газетчиками из радиокомитета, компаньоны ничего нового от неё не узнали, кроме того, что незадолго до отъезда графини из Крыма, во дворце поселились ротмистр Ромов и его два поручика. Сообщила она также адрес горничной Екатерины Владимировны, проживающей также в Ялте. И что кухарка графини Фатма живет в Феодосии, служит в ресторане «Астория».

Посетив адрес бывшей горничной графини Екатерины Владимировны, Бендер узнает, что она в плавании, так как служит каютной горничной на пароходе делающем рейсы Одесса-Батум, Батум-Одесса. В порту компаньоны узнают, что она будет в Ялте через три дня. Узнают также, что ею интересовался какой-то моряк с турецкого судна. Остап делает вывод, что этот моряк не иначе как старпом капитана со шхуны «Тринакрия».

Остап со своими друзьями отправляется в Алушку для встречи с верным слугой дома Романовых Березовским, который служит экскурсоводом во дворце-музее.

Выдавая себя за иностранного представителя, Бендер сообщает ему о смерти графини и входит к нему в доверие. Березовский и его супруга, работающая также в музее смотрительницей, обещают помочь ему в отыскании реликвий графини для ее наследников за рубежом.

Получив адрес графского садовника, уже умершего, но его жены Дарьи Семеновны, Остап отправляется к ней. От неё компаньоны ничего нового, дополняющее уже известное, не узнали.

Весь следующий день искатели графских сокровищ ходили с разными экскурсионными группами, по дворцу и по его дворцово-парковому ансамблю.

Для свободного доступа во дворец компаньоны пытаются устроиться туда водопроводчиками. Но не удается. А посещая комнаты дворца, Остап осматривает запоры на окнах, дверей и расположение комнат. Осматривает следы не многолетней штукатурки, следы возможного ремонта. Но это безрезультатно.

Едут в Феодосию к третьей служанке графини кухарки Фатмы Садыковны. Но она проживает уже в городе Саки. Едут туда. У неё узнают, что накануне отъезда графини из дворца, там производили какие-то ремонтные работы и что в этот период прислуге строго запрещалось ходить по дворцу и даже по его дворовому окружению.

В то время, как Бендер и его друзья пытаются отыскать клад графини или его следы, примерное нахождение его, начальника Севастопольского ОГПУ Железнова переводят работать в Ялту. К нему приходит бывший чекист Путилов и рассказывает о тайне фотоальбома, за которым охотилась контрразведка белых. Найти фотоальбом им не удалось. Допрашивал Путилова поручик Загребельный. И вот этого поручика Путилов вдруг увидел в Севастополе в чине старпома капитана шхуны «Тринакрия». Задержать его не удалось.

Вечером прогуливаясь по Алушке, друзья вдруг встречают дворцового сторожа с газетой, который сообщает им о казни их «отца, лейтенанта Шмидта». Отойдя от сторожа Остап спросил Балаганова: «Что скажете, бывший сын лейтенанта Шмидта?» «Но и вы однажды им были, командор, если по справедливости». «Это был эпизод... Не будьте пижоном...» Не поняв язвительных замечаний своих друзей, Козлевич произнес: «Трагедийно, конечно, братцы».

На следующий день друзья, прочли объявление: «Сегодня у южного входа Воронцовского дворца-музея состоится театрализованная защита диссертации «О некоторых концепциях комического и смешного». Приглашаются все желающие. Вход свободный. Начало в 17 часов. Прочтя такое объявление, Остап воскликнул: «Что наша жизнь без смеха!» «Ничто, командор, – ответил Балаганов. – «Да Остап Ибрагимович, надо посмотреть это представление», – подтвердил Козлевич. После спектакля, ночью Остапу удастся проникнуть во дворец. Но безрезультатно. На следующую ночь во дворец проникли все трое искателей. Но также безрезультатно. А после третьего раза ночного посещения дворца, Балаганов и Козлевич заявили, что хватит рисковать и они, не зная где находится клад, больше во дворец не полезут. Остап принимает решение встретиться с третьей графской горничной Екатериной Владимировной и компаньоны отправляются, для встречи с ней в Сухуми.

В то время, как компаньоны плыли на пароходе в Сухум, там, между Екатериной Владимировной и её любовником бывшим поручиком Вадимом Ксенофонтовым, происходила драма. Он искал пути перебраться в Турцию. Нужны для этого деньги. Вадим уговаривал Екатерину продать кольцо с бриллиантом, – подарок графини, но она не соглашалась, говоря, что этих денег всё равно не хватит. После споров, упреков любовники плывут в Батум. Там между Ксенофонтовым и старым аджарцем происходит разговор из которого Ксенофонтов получает подтверждение, что денег от продажи кольца недостаточно, любовники возвращаются в Сухум, откуда Екатерина должна плыть в Одессу, приступив к своей работе каютной горничной. Но получив известие, что её родной дядя при смерти, мчится на вокзал чтобы ехать в Москву, Ксенофонтов с ней, он обязан дяде Екатерины, который спас его от тюрьмы и устроил работать в Сухумском зоопарке.

Прибывшие в Сухум компаньоны узнают, что Екатерина на вокзале, чтобы ехать в Москву. Бендер мчится на вокзал, чтобы перехватить её отбытие и поговорить с ней. Это ему удастся. Он выдает себя за газетчика и добывает ей и её спутнику билеты на поезд, купить которые из-за курортного сезона было невозможно. Благодаря этому едет в московском поезде в одном с ними купе. Входит в дружеские отношения, приглашает в ресторан и постепенно начинает расспросы об отъезде графини Воронцовой-Дашковой. Это настораживает бывшую горничную графини и её любовника и вот почему. Ксенофонтов увидел медальон Екатерины с фотографией поручика Крылова, первого любовника Екатерины. Из расспросов её и своего прошлого, он узнал, что именно этот поручик участвовал в ремонтных работах во дворце перед отъездом графини. Клад! Вот где деньги так необходимые ему для ухода за рубеж! Заподозрив их «благодетеля» попутчика Бендера в интересе к отбытию графини из Крыма, он и Екатерина ночью тайком сошли из поезда в Ростове.

Потеряв третью горничную графини, Бендер, не падая духом, заявил: – Нет, нет и еще раз нет, братцы-компаньоны, я говорил и еще раз скажу: – Золото графини надо ковать неустанно, пока оно горячее. Возвращаемся в Крым! Командовать парадом буду я!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СНОВА В КРЫМУ

Глава 1. Актив и пассив компаньонов

Остап Бендер уже привычно говорил:

– Итак, детушки, наши поиски пока безрезультатны. Опрос свидетелей дал нам весьма скудную информацию о кладе высокочтимой, хотя и покойной уже, графини Воронцовой-Дашковой. Круг свидетелей сузился до предела, камрады. В пассиве – три бывшие горничные графини, экскурсовод Березовский, садовничиха Егорова. Все сведения полученные от них переплетаются одними и теми же данными, известными уже вам. Повторяться не буду...

Это всё Остап говорил прохаживаясь взад-вперёд по комнате, когда компаньоны вернулись в свое ялтинское жильё после Сухумско-Харьковского круиза и разрабатывали план дальнейших своих действий. Размышляя вслух, он поглядывал на своих единомышленников, чинно сидящих и внимательно слушающих своего предводителя. Цель которого, как известно, приобрести несметное богатство, чтобы осуществить свою заветную голубую мечту детства.

– Это всё, как я уже сказал, в пассиве, – продолжал великий искатель графских сокровищ. – Что же мы, голуби-компаньоны, имеем в активе?

– Командор, вы как будто на трибуне и делаете важный служебный доклад, который мне как-то пришлось услышать в Могилеве, – рассмеялся Балаганов.

Бендер взглянул на него, но не ответил, и продолжал:

– Я говорю в активе: фотограф Мацков и хорошо было бы выяснить судьбу штабс-ротмистра Ромова и его поручиков. Фамилии этих двух, к сожалению, нам неизвестны. Но если бы фамилии этих поручиков и были известны! – то мы навряд нашли бы их. Они, как я предполагаю, были убиты, или расстреляны гегемоном пролетариата, а может быть, благополучно и бежали с Врангелем из Крыма. Следовательно, их можно отнести к пассиву.

– Ох, Остап Ибрагимович, – смотрел с нескрываемым уважением Козлевич на технического директора их компании. – Всё это так, а что же дальше?

– Вот и я задаю вопрос себе и вам «что дальше?». Пробираться снова ночью во дворец и искать клад, обдирая обои, штукатурку и выстукивая массивные стены? Нет, друзья-охотнички, это не метод. Это поиск, как говорил мой знакомый в Одессе Пиня Цукерман, такой же, как искать пуговицу оторвавшейся от бюстгальтера, купающейся в море курортницы. Да и частые лазания во дворец могут подвести нас под статью известного вам кодекса. Нет. Нам необходимо выяснить хотя бы примерное нахождение клада. Без этого... – сделал продолжительную паузу Остап.

– Без этого, командор, наш поиск будет таким же, как и на «Святителе». Там всё же мы нашли деньги, хотя и негодные, а здесь, не знаем где искать, если говорить, по справедливости, – выразился Шура Балаганов, как человек всегда сомневающийся.

– Эх, Шура, вы снова со своей справедливостью, – не как обычно стеснительно, сказал Козлевич. – Остап Ибрагимович прав, искать надо клад не на темную, как мы уже попрактиковали. А надо знать хотя бы примерное место.

– Место клада, голуби рассудители мои, как я понимаю, оно в подвальной части дворца. А почему я так считаю? Потому. Захоронение ценностей происходило, естественно, в строжайшей тайне. Не даром же дворцовой прислуге тогда было запрещено свободно ходить по дворцу, а только по вызову графини.

– Командор, а что всё же рассказала вам третья бывшая горничная графини Екатерина Владимировна? – задал вопрос рыжеволосый компаньон, приглаживая пятерней свой кудри.

– Она бы и сказала, во всяком случае то же самое, что и её коллеги по дворцовой службе. Но её что-то насторожило, видно, детушки, я допустил какую-то ошибку, задавая ей вопрос. Так что от неё я узнал совсем мало, голуби мои. Я вот и подумываю, уж не знают ли они, эти Ксенофонтовы, гораздо больше Софьи Павловны и Фатьмы Садыковны? А её муженек «Вадым» уж не является одним из тех поручиков? Которым было доверено замуровывать клад под командой ротмистра Ромова?

– Вот-вот, командор может быть, они уже с успехом и попользовались сокровищами графини? Может быть, командор?

Бендер некоторое время смотрел на Балаганова, затем произнес невесело:

– Да, мой названный брат Вася. Такое вполне может быть. Так что же вы предлагаете? Отказаться от нашего поиска? Если учесть ваши рассуждения, товарищ Шура Балаганов? – скептически глядя, на него, спросил Остап.

– Нет, нет, командор, я так не предлагаю. Я просто размышляю...

– А-а размышляете... Ну что ж, это неплохо. А что скажете вы, Адам Казимирович? – взглянул на него Бендер.

– В данном случае всё может быть, Остап Ибрагимович. Но если так рассматривать нашу затею, то выходит, что нельзя браться и за другие какие дела. Всё надо брать на зуб, братцы.

– Вот именно, Адам, всё надо брать на зуб. И как я говорил и говорю, ковать графское золото надо неустанно, пока оно еще горячее. Итак, актив, – твердо произнес Остап. – Дворцовый фотограф Мацков и белогвардейцы. Офицеров я исключаю из нашего актива, как не реальных подследственных.

В комнате наступила тишина.

– Так что, Остап Ибрагимович, поедem в Алупку? – спросил затем Козлевич.

Предводитель компании помолчал и ответил:

– Нет, детушки-искатели, мы там достаточно примелькались. Нужным и не нужным глазам, проживем пока в Ялте. Поищем дворцового фотографа Мацкова.

Но как говорить, легко сказать, да трудно сделать. Если чекисты и их мощный аппарат не смогли отыскать этого таинственного фотографа, то разве может найти его тройка единомышленников-охотников за графскими сокровищами? Нет, дело казалось абсолютно безнадежным. Но так казалось. И это «казалось» было опровергнуто вскоре Великим Господином случаем и не одним.

Глава 2. Великий Господин Случай

В не очень удовлетворенном настроении от неудачных поисков бывшего дворцового фотографа Мацкова, компаньоны шли по набережной Ялты. Балаганов обладающий хорошим аппетитом сказал:

- Знаете, командор, поиски поисками, а уже и пообедать пора.
- Да, Остап Ибрагимович, братец Шура дело Предлагает, – промолвил Козлевич.
- Ну что ж, вас двое, большинство, я согласен, – скучно ответил Остап.

И компаньоны пошли в «Ореанду». Но там был наплыв участников конференции по развиту виноградарства и их в ресторан не пустили.

– Ну, камрады, и здесь дают скромных отдыхающих общественные мероприятия, – с чувством досады отметил Бендер.

И компаньоны направились к гостинице «Мариино», где также был ресторан. При подходе к гостинице, компания неожиданно встретила бывшую горничную графини Софью Павловну. Она шла, по всей вероятности, после дежурства. В легком платье, жакетике, голову её украшала старомодная шляпка, с пером.

- Здравствуйте, любезнейшая, Софья Павловна, – обратился к ней Остап.
- Здравствуйте, граждане-товарищи, – приостановила она свой шаг.
- Рады и мы вас видеть, – растянул свое загорелое лицо в приветливой улыбке Балаганов.
- Да, конечно... – промолвил неопределенно Козлевич.
- Как поживаете, любезнейшая? – ближе подошел к женщине Бендер.
- Живу как все, граждане-товарищи, рада вас встретить.
- Один вопрос, уважаемая Софья Павловна, – несколько впереди неё, остановился вели-

кий искатель.

- Да, пожалуйста, товарищ газетчик...

– Не пришлось ли вам, уважаемая Софья Павловна, встретить дворцового фотографа? Уж очень нужны нам его фотоснимки, – чарующе глядя на женщину спросил Остап.

– Нет-нет, уважаемый. Ничего не могу, как и прежде вам сообщить, – сделала шаг, чтобы обойти назойливого «газетчика». Но обернулась и произнесла:

– И что это всем вдруг понадобился этот фотограф, граждане-товарищи, – пожала она плечами.

- Еще кто-то? – удивился Бендер. – Может быть, из местных газет?

- Да нет уж... – хотела идти своим путем бывшая графская, а теперь советская горничная.

– Софья Павловна... – уцепился, как говорится, мертвой хваткой за женщину Остап. – Мы направились как раз обедать, не составите ли нам компанию, дорогая Софья Павловна, – елеинно-просительным голосом спросил он, любовно заглядывая в глаза женщины. – Ведь не секрет, что ваше питание оставляет желать иногда лучшего, правда ведь?

– Нет-нет, что вы, неудобно как-то, да и не привычно мне посещать ресторан, – втянула голову со своей шляпкой в плечи приглашаемая. – Знаете, наши гостиничные, как узнают...

- Ну что вы, что вы, – ринулся в атаку Бендер, беря за локоток женщину.

В атаку вступил и Балаганов:

– Да уж не откажите, уважаемая, вы нам так помогли своим рассказом, – встал с другой стороны Софьи Павловны он.

Видя, что Бендер неспроста так горячо приглашает женщину, решил помочь и Козлевич:

- Да уж, уважаемая, не откажите нам... – и вдруг добавил: – ясновельможная пани.

– Ясновельможная пани? – вдруг рассмеялась женщина. – Давно, весьма давно, не слышала такого приглашения.

- Наш товарищ поляк, дорогая Софья Павловна, прошу вас с нами, – настаивал Бендер.

– Поляк? – рассматривала женщина Адама Казимировича – Очень любопытно... Но я не могу идти в ресторан гостиницы, где я служу, знаете... – замялась в неуверенности она.

– Конечно, разумеется, зачем же в вашу гостиницу... – взял уже под руку приглашаемую Бендер, продолжая умиленно и нежно смотреть на Софью Павловну. – К вашим услугам любой другой, самый лучший ресторан, прошу вас.

– Ну, хорошо, тогда в «Южный», он у порта, – пошла с Остапом женщина.

Балаганов и Козлевич, локоть к локтю двинулись следом. И один компаньон сказал другому:

– Командор знает что делает, Адам.

– Остап Ибрагимович, когда услышал, что кто-то еще интересуется фотографом, то... – шевельнул усами непревзойденный автомеханик.

– Уговорили, пошла, – удовлетворенно тряхнул кудрями Шура.

В ресторане компания заняла уютный столик, так как в этом ресторане в этот час было не многолюдно, а другой зал был полностью свободен. Бендер, психоаналитик человеческих душ, как он определял себя, изысканными манерами подал меню даме со словами:

– Прошу, дорогая Софья Павловна, выбирать что только пожелаете.

– Нет-нет, граждане-товарищи, в настоящее время я совершенно незнакома с ресторанными блюдами... поймите... с моими скудными возможностями... Поэтому, только по вашему усмотрению, только по вашему усмотрению, – отстранила от себя Софья Павловна книжицу в сафьяне с тисненной золотой надписью: «Южный».

– Понимаю, понимаю, – взял меню Остап. – Тогда один вопрос, уважаемая-Софья Павловна... Надеюсь, вы не откажетесь от бокала вина? Или предпочтете коньяк?

– Нет, нет, что вы, поскольку так, то вина... Ах, как давно я его пила, – с нескрываемой грустью промолвила дама компаньонов.

– Прекрасно, закажем для вас вина... – и как только подошел официант, Остап проявил свои немалые знания в винах.

Вскоре на столе компании красовалась бутылка «Бастардо», рядом для него и его друзей светился своей прозрачностью графин водки. Что же касается закусок, блюд первых, вторых и десерта, то они были самые изысканные из имеющихся в ресторане по самым дорогим коммерческим ценам.

Обед проходил весело.

Остап, подвыпив, каламбурил, рассказывал анекдоты:

– В дурдоме маляр красит высокий потолок, стоит на лестнице.

– Эй, Моня, поддержишь за кисточку, нам нужна лестница, и сумасшедшие выдергивают лестницу из-под ног маляра.

Софья Павловна, находясь, в радужном настроении, после выпитого вина, зашлась заразительным смехом. Балаганов и Козлевич засмеялись тоже.

А вот еще, продолжил Бендер.

– Утром на скотном дворе баран: «Мороз!» – И стряхнул с себя снег, – показал плечами Остап. – А коза ему дрожащим голосом: «Е-еще-е с ве-е-чера». – проимитировал разказчик мнимую козу.

Когда смех за столом утих, компания снова выпила, а после, видя их даму в хмельном настроении, Остап спросил:

– Так вы-говорите, Софья Павловна, что интересуются прежним дворцовым фотографом и другие?

– Да, уважаемый Степан Богданович... – так Бендер ей представился, когда уже сидели за столом, – Мне нанесла визит знакомая уже вам Анна Кузьминична, из Севастополя, со своим супругом Мишелем.

Остап чуть было не поперхнулся, услышав такое. А Балаганов, кладя вилку, громко цокнул ею о край тарелки. Козлевич проявил удивление салфеткой по своим усам.

– Вот как? Весьма интересно, весьма...

– Да, вы же знаете, что она хотя и не служила в Алупкинском дворце, а была моей коллегой в графском загородном доме в Симферополе, но тоже проявила почему-то интерес к этому фотографу. Но не так она, как её супруг Мишель. Ей повезло, выйти замуж за иностранца да еще коммерсанта, хорошо обеспеченного. Не чета нам служащим советом... современным горничным, – усмехнулась женщина, благодаря хмелю выражая откровение.

– Так что он, этот Мишель, спрашивал? – заглядывал в глаза дамы старший компаньон.

– Спрашивал? Да то же, что и вы, где этот самый фотограф пребывает, как найти его, уважаемый Степан Богданович. А уходя, он сказал, из чего я поняла, что его интерес не к самому фотографу, а к какому-то его фотоальбому с известными лицами...

– Вот как? Что же это за фотоальбом?

– Да-да, меня это тоже заинтересовало, особенно, когда Мишель сказал, что очень щедро заплатит за эти фотографии в альбоме.

– Очень интересно, очень, Софья Павловна, – откинулся на спинку стула Остап, до предела заинтригованный словами бывшей горничной графини. И с чувством искренней благодарности провозгласил: – Предлагаю выпить за нашу чудесную даму – поднял стопку он.

– За нашу даму – вторил ему и Балаганов.

– За вас, – повел свою стопку в сторону женщины Адам.

Обед закончился десертом из мороженого со сливками и кофе, И уже провожая Софью Павловну домой, Остап попросил даму их компании подробно рассказать им о визите к ней её бывшей коллеги Анны Кузминичны со своим заграничным супругом.

– Да, я отлично помню, как он меня попросил, если я встречу этого самого фотографа, то я должна его спросить... За сколько, мол, он продаст свой фотоальбом с известными лицами? Он, мол, заплатит за него щедро...

– Вот видите, Софья Павловна, как появляются конкуренты. Фотографии Мацкова, выходит, нужны не только для нашей газеты...

– И для моего радио, – вставил Балаганов.

Бендер с усмешкой взглянул на своего названного брата Васю и продолжил:

– Но и другим искателям... то есть, газетам...

– Может быть, и заграничным, граждане-товарищи, как я понимаю, – несколько хмельным голосом промолвила Софья Павловна.

Проводив домой после обеденного банкета свою даму, компаньоны тепло распрощались, а Бендер элегантно движением по высокосветски даже поцеловал женщине руку, в то время, как его друзья уже раскланялись и отошли в сторону.

Когда отошли от дома, Бендер, потирая руки, воскликнул:

– Вот вам задача, камрады, с многими неизвестными – Мало того, что дворцовым фотографом интересуется заграничный старпом с «Тринакрии», а теперь и этот Мишель Канцельсон. Очевидно, он получил уже повторную шифровку, поскольку мы первую перехватили.

– Да, но в нашей писуле ни слова ни сказано о фотоальбоме, а просто о фотографе Мацкове, командор, – резюмировал Балаганов.

– А тут уже интерес к какому-то фотоальбому этого фотографа, Остап Ибрагимович, – рассудительно дополнил Козлевич.

– Вот-вот, детушки-голуби мои, искатели-единомышленники, нам во что бы то ни стало, надо найти этого Мацкова с его загадочным альбомом. Он и должен нам пролить свет на местонахождение сокровищ графини Воронцовой-Дашковой в бывшем ее огромном дворцовом владении, определил Бендер.

И компаньоны с еще большей энергией начали искать таинственного для них фотографа Мацкого. Объехали все пляжи Большой Ялты, хотя купальный сезон и пошел уже на убыль, но фотографы со своими треногами еще встречались им. Посетили все городские фотографии и в Симеизе, и в той же Алупке и в самой Ялте, Алуште, Гурзуфе и в других местах южного побережья Крыма, но результат был один. Никто не знал фотографа Мацкого и о нем, естественно, сообщить ничего не могли. Да и сами фотографы были из современных людей, а не дореволюционных или времен Деникина-Врангеля девятнадцатого-двадцатого года.

Наконец в одной фотографии, получив уже известный ответ, что Мацкого не знают и о нем не ведают, пожилая женщина-уборщица этого салона, сворачивая ковровую дорожку, чтобы идти и вытрусить от пыли, вдруг сказала:

– Да как это не знают, товарищи? Был, был, такой хороший фотограф, чего там. Мы у него и фотографировались после венчания.

– Ну, уважаемая, так где он? Что он? – ринулся к женщине Остап. А Балаганов, который как тень сопровождал своего командора.

– Скажите, скажите, уважаемая, он так нам нужен.

– Как его имя, отчество? – поспешил задать еще вопрос Остап.

– Ну, милые, откуда мне знать, а тем более помнить, как его звать, – бухнула рулончиком дорожки об пол женщина.

– А фотография, фотография его у вас есть? – поедал глазами уборщицу Бендер.

А то как же, храню, венчание ведь... – пошла из салона фотографии она.

– А посмотреть, посмотреть эту фотографию можно? – елеинно просительным голосом спросил Бендер.

– А чего же нельзя. Но она не со мной эта фотография, а в рамке дома висит, – вышла она из фотосалона в сопровождении респектабельных двух «товарищей». Старший из которых весело сказал:

– Вот и прекрасно, уважаемая, к вашим услугам автомобиль, сейчас и съездим к вам, а?

Женщина была несказанно удивлена увидев роскошный лимузин, на котором ей предлагалось прокатиться домой. Несколько растеряно взглянула на «нэпманов», как она их определила, но не отказалась. Вернулась в фотографию, оставила там свой рулончик дорожки и, вытирая руки о фартук, вернулась к машине.

Полину Даниловну, так она назвалась, компаньоны усадили на мягкие сидения автомобиля и они поехали. Вскоре Козлевич остановил «майбах» у дома, где женщина – находка для компаньонов, проживала. Войдя в опрятную светленькую комнатку, Полина Даниловна сняла со стены фотографию в застекленной рамке, размером в две обычные открытки, смахнула с неё полотенцем пыль и подала Бендеру.

Остап смотрел на пару обвенчанных, выходящих из ялтинской церкви. Полина Даниловна – в белой с кружевами фате, а рядом в сюртуке её муж. Она и он молодые, со счастливыми лицами, с уверенностью в глазах, что их ждет радостная и благополучная семейная жизнь.

– Ах, как хорошо, как прекрасно вы и ваш супруг здесь выглядите, дорогая Полина Даниловна, – покачал головой Остап. Он зашел к ней один, оставив своих единомышленников в машине.

– Ой, как давно-давно это было, – взгрустнула хозяйка. – Отличная работа, сразу видно снимал большой мастер, Полина Даниловна.

– Да, мастер... но фотографировал нас с такой треногой, знаете, не он этот Мацков, а его помощник, наверное, как я помню.

– Ну? – разочарованно протянул Остап. – Как же так? А на обороте можно взглянуть? – и не ожидая разрешения, вынул фотографию из рамки с заметным волнением.

На обороте картона, на котором и была наклеена меньшего размера фотография Бендер увидел чернильный потускневший штамп: «Фотосалон Мацк... М.С. 19... г. Симферополь».

Окончание слова фамилии и года не отпечатались. Как только Великий исследователь не вглядывался, букв в конце фамилии он не увидел. И охрипшим голосом спросил:

– И в каком же году это было, Полина Даниловна?

– А в тринадцатом, аккурат за год до войны с германцем. Моего забрали в солдаты, да так и... – махнула рукой горестно женщина. – И не пожил...

– Да, сочувствую, дорогая Полина Даниловна... – искренне посочувствовал он и положил на стол десятирублевую купюру. – Весьма, вам благодарствую, весьма... Вы очень нам помогли, хозяйюшка. Мы расспрашиваем о нем здесь, а он, оказывается в Симферополе?

– Да, уж, в Симферополе у него фотография, как я понимаю и помню главная, а в Ялте, значит, малая, курортная, товарищ.

– Ах, вот как... возможно, возможно, заулыбался Бендер.

– Очень благодарен вам, Полина Даниловна.

Бендер был так взбудоражен, обрадован узнанным, что не удержался и на радостях схватил руку хозяйки. Та испуганно хотела её отдернуть, но «высокосветский лев» успел поцеловать её ладошку.

– Что вы, что... – пролепетала уборщица фотографии, но ей, очевидно было это приятно, и, наверное, руку ей целовали первый раз в её жизни.

Остап на крыльях выбежал к своим друзьям с возгласом:

– Ну, голуби, есть всё-таки Бог на свете.

Балаганов подскочил от такого заверения. А Козлевич даже гуднул автомобильным клаксоном. И Остап пояснил радостно, как будто он уже знает где клад графини.

– Не здесь мы ищем, детушки, этого Мацкова. А искать надо в Симферополе, в Симферополе, камрадики-голубятики вы мои.

С этого дня все поиски компаньонов переключились в Симферополь. Бендер говорил своим дразням:

– Вот почему адресное бюро Ялты и не могло нам сообщить бывший или теперешний адрес Мацкова. Если он жил в Симферополе, то и адрес его там.

Утром компаньоны были уже в Симферополе. И дождавшись открытия адресного бюро, Остап вошел почти вместе со служащими этого заведения при управлении Крымской милиции. Он склонился к окошку и сказал женщине в очках:

– Я разыскиваю своего хорошего знакомого Мацкова...

– Запишите, пожалуйста, здесь... – подала она восьмушку тетрадного листа, – фамилию, имя, отчество, год рождения, товарищ.

Бендер написал: «Мацков М. С., проживал в Симферополе до освобождения Крыма от врангелевцев», и подал её сотруднице бюро.

Она прочла и сразу же наставительно сказала:

– Имя и отчество, надо полностью писать, товарищ.

– Да, но знаете... после ранения не помню... Не то Михаил Семенович, не то Мирон Сергеевич... – с сочувствующим видом к самому себе, почти жалостливо ответил великий искатель.

– Ну хорошо, посмотрим, что есть в нашей картотеке. Зайдите пожалуйста через полчаса, товарищ.

– Благодарю, и надеюсь... Хотелось бы увидеть своего друга...

– Друга... – недоверчиво произнесла женщина. И со скептицизмом еще сказала: – Года рождения не знаете, имя и отчество не знаете..

– Да уж так, уважаемая, годы... – отошел от окошка Остап.

Чтобы не нудиться в ожидании, компаньоны съездили на базар, попили пшенной бузы, заполнили ею свои дорожные фляги, и через тридцать минут подъехали снова к адресному бюро.

Бендер всунул голову прямо в окошко, и, улыбаясь, как говорится, на все тридцать два зуба, умиленно спросил:

– Уважаемая товарищ, есть уже адрес Мацкого?

– Да, товарищ, есть. Но поскольку вы не знаете года рождения, имени и отчества, то Мацковых у нас значится целых семь. Но из них на М.С. только два. Вот, пожалуйста, – подала справку сотрудница бюро.

– Надо что-то заплатить? – спросил Остап.

– Нет-нет, справки выдаем бесплатно, товарищ, – последовал ответ.

В справке значилось два адреса: один по улице Лазаревской, а другой – по Нагорной. По первому адресу проживал Мацков Михаил Семенович, по другому Моисей Самуэлевич.

Балаганов, заглядывающий в справку через плечо своего командора, воскликнул:

– Смотрите, Самуэлевич! Как и отчество нашего Паниковского.

– Да, Паниковского братца, – кивнул Козлевич, – верно.

– Вперед, друзья-товарищи, дело зовет, – скомандовал глава единомышленников, затем сказал: – Как известно, голуби, фотографией в основном занимались евреи...

– И сейчас, командор, сколько мы встречали их, и на пляже, и в таких фотографиях, – определил Балаганов.

– В Одессе я знал хорошего фотографа Арона Наумовича, камрады. И что же, как мне известно, ему пришлось уехать за кордон и из-за петлюровцев, и от других погромов... Остаповите, Адам, надо спросить, где эта Лазаревская. А в Москве я встречал фотографа Кацмана Шому Израйлевича. Отличный человек, скажу я вам, детушки.

– И в Бердичеве, как я помню, Остап Ибрагимович, был фотограф Рабинович, – высказался Козлевич, остановив автомобиль.

– Вы были в Бердичеве, Адам? Интересно... Но об этом потом, когда у нас будет свободное время в нашем уплотненном поиске. Так вот, мы должны начать с Мацкого Моисея Самуэлевича... Но мы поедем всё же по первому адресу, к Михаилу Семеновичу Мацкову, друзья.

– Почему, командор? – обернулся впереди сидящий рыжеволосый член компании.

– Да потому, что сама фамилия Мацков не внушает доверия, что она еврейская, это раз.

– А Моисей Самуэлевич? – не сдавался Балаганов. – Как и у Паниковского ведь отчество, командор?

Остап недовольно смотрел на своего названного брата, который усомнился в правильности решения его, Остапа Бендера, и повторил:

– Это раз. Во-вторых, всегда надо вести дела по порядку. Значится здесь Михаил Семенович первым, – взмахнул справкой Бендер, – значит, к первому и едем.

После распросов выехали на Лазаревскую. Адам Казимирович остановил было «майбах» возле нужного им номера, но Бендер сказал:

– Дальше, дальше, проезжайте, Адам. Нечего нам перед окнами дома блистать своей роскошью.

Автомобиль проехал квартал и высадил Остапа, который пошел к нужному им дому уже пешком. А на вопрос своего обычного спутника при посещениях Балаганова:

– Идти с вами, командор?

Бендер ответил:

– Нет, на этот раз я без радиокомитетчика, Шура.

Зайдя во двор, Остап тут же ретировался восвояси от яростно лающего на него огромного кобеля, на длинной привязи.

– Хозяин, хозяйка – прокричал он.

Из добротного каменного дома под железной кровлей, окрашенной коричневым суриком, вышла женщина в халате, из-под которого до босых ног в чувыках, видны были яркие шаровары. А грудь её и уши украшала намедь из червонного золота. Смуглое лицо и чуть рас-

косые глаза, расшитая узорами тюбетейка, определяли её национальный вид. «Определенно татарка» – отметил мысленно Бендер и обратился к ней:

– Хозяйка, можно вас на минуточку?

– Сейчас, сейчас, – ответила она, загнала кобеля в будку и притворила её дверцу деревянным щитом. Подошла и спросила:

– Что хочешь, гражданин?

– Мне дали адрес, здесь проживает товарищ Мацков Михаил Семенович?

– Мацков? Нет, дорогой, тут живет Керимов, семья Керимовых. С этой стороны, а, на половине другой дома живут тоже не твои Мацковы, а Абибулаевы. Так что, дорогой, извини, нет тут такого.

– А может быть, жили Мацковы раньше?

– Как раньше, как раньше, – забряцала хозяйка своими татарскими украшениями. – Мы дом как построили, так и живем... Керимовы и Абибулаевы.

– И вы не можете ничего сообщить о Мацкове? – попытался еще Бендер.

– Как могу я сообщить, если ваш товарищ здесь не живет? – повернулась и пошла выпускать собаку хозяйка.

– Вопросов больше не имею, – с удрученным видом Остап отошел от двора и вернулся к машине.

Отыскав нужный дом на Нагорной, Остап с Балагановым отправились ко второму Мацкову.

Во дворе собаки не было и компаньоны поднялись на крыльцо небольшого, довольно обшарпанного приземистого дома под черепицей.

Справа от него были сарайные постройки, полуоб-валившийся флигелек, а дальше у стены этого забытого, очевидно, сооружения возвышался штабель дров.

На стук из дверей вышел старик с окладистом бородой и с дымящейся козьей ножкой в руке, свернутой из газеты и набитой крепким самосадом.

– Что скажете, граждане? – пыхнул он довольно ароматным дымком.

– Здравствуйте, папаша, – почти в один голос приветствовали компаньоны старика.

Не ответив на приветствие, курильщик неприветливо бросил:

– Так слушаю вас.

– Нам дали адрес в милиции, – решил говорить с таким хозяином, сославшись на органы власти, начал Остап.

– Что здесь проживает или проживал фотограф Мацков Моисей Самуэлевич, товарищ.

– А-а, в той мазанке-постройке, возможно, он когда-то и проживал, – переменял отношение к пришедшим старик. Очевидно, упоминание о милиции подсказало ему, что эти люди не иначе официальные. И он продолжил:

– Наверное, проживал лет десяток тому, со своей, значит, семьей, товарищи, в той мазанке, еще пригодной для жизни. А когда, стало быть, начались военные-гражданские дела, он, жена, да двое его детей и выбрались.

– А куда, куда выбрались? – сразу же задал вопрос Остап.

– А кто их ведает, – двинул плечами старик. – У каждого, как известно, свои жизненные планы, товарищи. Выбрались и всё. Так что, тот, кого вы спрашиваете, здесь не проживает. Может, закурите? – протянул хозяин кисет Бендеру, затем Балаганову.

– Не-нет, папаша, мы не курим, вопросов больше не имею, адье, – приложил два пальца к фуражке Бендер.

– До свидания, отец, – махнул старику рукой Балаганов.

Остап со своим помощником вернулся к машине и невесёлым голосом сказал:

– Да, этот Мацков, только диву можно даваться от вопросов: где он, что он?

– Знаете, командор, – обернулся к нему Балаганов, – я вот всё время думаю...

– Это хорошо, названный брат Вася, что вы умеете думать, – посмотрел на него одобрительно Бендер.

– И всё же, зачем нам нужен этот фотограф Мацков?

Автомобиль медленно ехал по улице и Козлевич, взглянул вначале на своего соседа по сидению, а затем взглянул на своего почитаемого директора.

– Зачем? Вот вы всегда, Шура, не додумываете до конца то, о чем вы мыслите, как Спиноза. Объясняю. Если в первой шифровке старпом дает наводку Канцельсону на Мацкова, если во второй шифровке, как нам стало известно от Софьи Павловны, Канцельсон интересуется уже не только самим фотографом, а его фотоальбомом, то вывод: ключ к месту замурованных сокровищ графини находится у этого Мацкова, а вернее, как я думаю, в этом самом фотоальбоме, камрады.

– Ох, как правильно вы говорите, Остап Ибрагимович, как правильно, – приостановил машину Козлевич. – Куда будем ехать? – спросил он его, И в глазах Адама Казимировича светился блеск восхищения своим начальником.

– Выход у нас один, друзья, поедем по симферопольским фотосалонам, может, кто и подскажет нам что-то..

Расспрашивая людей о местонахождении фотосалонов в городе, компаньоны начали колесить по городу. Посетив четыре фотографических мастерских компаньоны ничего нужного им не узнали. И вернулись в Ялту.

В Крым прокрасалась рыжая осень. Обычно сухая, но в этот день было прохладно, накрапывал дождик. Компаньоны после безуспешных поисков и сытного ужина были дома, Остап просматривал газеты, Козлевич перебирал открытки оставшиеся после их необычной беспроигрышной лотереи, а Балаганов подрёмывал на кушетке. Вдруг тишину комнаты нарушило восклицание Козлевича:

– Остап Ибрагимович, Остап Ибрагимович, смотрите, прочтите – протянул он Бендеру красочную открытку.

– Что случилось, Адам? – воззрился на него Остап. – Вы обнаружили подклеенную к этой открытке сторублевку?

– Нет, нет, Остап Ибрагимович, прочтите вот ту, на обороте.

– Ну? Читаю... «Комфортабельные автобусы «Форд», к услугам курортников Крыма»... Ну и прекрасно, Адам, Вас не покидает мечта открыть свой таксомоторный автопарк?

– Нет, нет, дальше, дальше, Остап Ибрагимович, настаивал Козлевич. – Читайте, читайте! – задвигал своими усами он.

Великий предприниматель-искатель прочел и подскочил с криком:

– Фото Т. М. Мацкова. Вот это да. Вот это да. Спокойно, Ося, спокойно, детушки – начал перебирать открытки Бендер, читая на обороте: – Фото Мацкова, фото Мацкова... Все – фото Мацкова – заключил Остап. – Где же их отпечатали? Ага, вот здесь мелко в сторонке... Крымгосиздат «Симферополь». Ну, Адам, ну, Адам. Это же надо? Больше сотни открыток этих было в наших руках и никто не почитал тыльную сторону. А ну, другие, сколько их там у нас?

Балаганов уже стоял рядом и все трое начали просматривать тыльные стороны этих открыток. Тут были виды горы Джемерджи и Бойдарских ворот, Вид Голубого залива и горы Кошка у Симеиза, дворец Ливадийский и Воронцовский дворец-музей, Ласточкино гнездо и вид на Ялту со стороны моря, гора Дарсан и Никитский ботанический сад, вид Гурзуфа и его шалашинские скалы-динары и много – много других достопримечательностей Крыма. И всюду на открытках: «фото Г. М. Мацкова».

– Вот вам и Великий Господин случай, детушки, – не покидало возбуждение главного охотника за графским золотом.

– А вот и девушка в море... – рассматривал Балаганов одну из открыток. – Мисхор. Скульптура «Русалка», – прочел он и добавил – скульптор А. Адамсон... и тоже: «Фото Мацкова».

– Мацкова, Мацкова, голуби вы мои, – удовлетворенно потирал руки Бендер. Адам, готовьте машину, завтра на заре мчимся в Симферополь, – не находил себе места он, как человек, который всю жизнь искал свое заветное, великое, а оно оказалось совсем рядом, почти что в его руках. Поэтому великий искатель не в состоянии был успокоиться, узнав всё это. Но потом перестал догаживать и промолвил:

– Да, еще неизвестно, что нам подкинет этот Г. М. Мацков... Вот именно, командор, – покачал головой Балаганов, – Если по справедливости...

– Снова вы, Шура, со своим неверием... – упрекнул его Остап.

– И со своей справедливостью, братцы, – разгладил свои кондукторские усы Адам Казимирович.

– Да я что... я так... Вы же сами еще не знаете, командор, Адам Казимирович, что нам от этого фотографа, – прилег снова на кушетку Балаганов.

– Но раз старпом с «Тринакрии» написал Канцельсону, значит, тот знает что-то о кладе графини.

– Верно, Остап Ибрагимович, зачем же тому искать этого фотографа, если он бесполезен, а, братцы? – взглянул и на Балаганова непревзойденный автомеханик, снова мечтающий о собственном таксопарке.

Глава 3. «Фотографии ваши, но они – не наши»

На следующий день, когда служебный день в учреждениях, организациях и конторах Симферополя только – только начался, Остап уже входил в кабинет директора Крымгосиздата.

– Здравствуйте, Виктор Иванович, – имя и отчество директора Бендер прочел на табличке двери кабинета. – Я к вам по важному делу...

– Очень хорошо, очень, – засуетился Уваров, – такова была фамилия директора. – Прошу садиться, слушаю вас, товарищ...

– Измиров Степан Богданович, председатель общества археологов, – протянул Остап свое киевское удостоверение.

– Очень приятно, – взглянул мельком на протянутый документ, – Чем могу служить? Но мы издательский орган... так что...

– Вот нам и понадобился ваш орган, товарищ Уваров. Вами выпущена замечательная серия художественных открыток, – достал из кармана стопку открыток и ловким движением карточного игрока защелкал их краями, как будто собирался сдавать себе и директору для игры. А затем распахнул их веером перед взором хозяина кабинета.

– Да, работа нашего издательства, – не без гордости подтвердил Уваров. – Так в чем дело, товарищ...

– Измиров, повторил Остап, – Степан Богданович.

– Да-да, Степан Богданович... Так что? Вам не нравится что-то в этих открытках? – насторожился Уваров.

– Нет-нет, что вы, Виктор Иванович, наоборот, мне и всем моим сотрудникам очень нравится, очень, – поспешил заверить руководителя Крымгосиздата Бендер. – Дело в том, мы ведем сейчас обширные археологические раскопки. И в Херсонесе, и в Керчи, и в Мангуп-Кале, и в других местах Крыма, где были таврские поселения. И даже здесь, в Симферополе, в Неаполе скифском... – Всё это Остап уже знал как азбуку, Эти названия прочно сидели в голове великого предпринимателя, благодаря его занятиям в библиотеке ВУАКа в Киеве. И, находясь уже в Крыму, добавил кое-что уже из путеводителя.

– Очень интересно, но... – вставил директор.

– Вот мы и желаем сделать заказ вашему издательству, Виктор Иванович. Мы планируем... для наших стендов, которые бы популяризировали нашу археологию для общественности... Закажем у вас множество красочных плакатов наших раскопок...

– Ах, вот как? Нет ничего проще, товарищ Измиров. Ваш заказ, оплата и.... Да, заключаем договор, и по вашему указанию командидуем наших фотографов туда, куда вы укажете для съемки.

– Фотографов? Нет, всех не надо. Нас интересует только один ваш фотограф, работы которого все мои коллеги одобрили, с восторгом. Это Г. М. Мацков...

– Этот? Глеб Михайлович, да-да. Он очень талантлив, наш молодой...

– Молодой? – тут же переспросил Бендер.

– Молодой многообещающий фотограф. Не исключено, что его и столичный «Огонек» может пригласить. Он послал туда ряд своих работ.

Вначале Бендер услышав, что нужный ему Мацков молодой, понял, что это не тот, дворцовый фотограф графини, но промолчал. «Может, он сын того Мацкого?» – только и предположил он. И продолжил играть роль археолога-заказчика.

– Вот-вот, нам и надо его работа на благо нашей археологии.

Уваров нажал кнопку и в кабинет вошла полная секретарша преклонных лет. Он спросил:

– Клавдия Петровна, Мацков уже на работе?

– Нет-нет, Виктор Иванович, он еще в отпуске.

– Узнайте в кадрах, когда ему положено вернуться.

– Сейчас, Виктор Иванович, – вышла секретарша.

– Значит, так, товарищ Измиров. Мацков на днях должен вернуться, А пока мы можем с вами заключить наш договор... обговорить всё.

– Прекрасно, очень хорошо, Виктор Иванович, – закивал головой Остап. – Но прежде чем перейти нам к договору, я всё же хотел бы встретиться уже с Мацковым. И уже в его присутствии и заключать наше соглашение.

– Хорошо, нет вопросов, товарищ Измиров... Позвоните, навестите, как только он вернется сразу же и ко мне.

– Прекрасно, – пожал руку директору Остап и, уже выходя из кабинета, услышал громкий голос Уварова, приказывающий секретарше:

– Клавдия Петровна, пригласите Александра Ивановича.

– Какого, у нас их два? – Не дала Бендеру притворить дверь секретарша.

– Бухгалтера, какого же еще... – ответил ей недовольно директор, очевидно, считая, что все должны знать, что сейчас ему нужен именно бухгалтер, а не другой Александр Иванович, не бухгалтер.

«Уж не бывший ли мой Александр Иванович Корейко? – мелькнуло в голове заказчика плакатов председателя археологии-антиквара, усмехнулся он, идя вслед за секретаршей в коридор. Здесь его ждали Балаганов с Козлевым. Не очень удовлетворенным голосом Бендер сказал им:

– Рано нам радоваться, детушки. Мацков, то Мацков, но не тот, а молодой. На бывшего дворцового никак не подходит...

– Так, может быть, это сын того, командор?

– Или родственник, Остап Ибрагимович, подскажет что-то нам.

– Может быть, может быть – вздохнул Бендер. – Но и он в отпуске, камрады. Через несколько дней вернется, вот тогда мы и проработаем... – начал было Остап и, взглянув в конец коридора, осекся.

Дальняя часть коридора была залита солнечным светом из боковых окон. В этом свете, как для предстоящей киносъемки, шел к директору человек удивительно похожий на подпольного миллионера Корейко.

– Мать честная! Шура, Адам! – бросился к нему Бендер. – Александр Иванович?!

Александр Иванович остановился и удивленно выкатив глаза уставился на тройку незнакомых ему людей:

– Простите, чем обязан, товарищи?

– Извините, это мираж, я ошибся – смутился Остап, что было ему несвойственно.

– Ошиблись... – тихо подтвердили и компаньоны Бендера.

– Бывает, товарищи, бывает, и у меня был недавно такой случай, – улыбнулся двойник Корейко, собираясь рассказать о своем недавнем случае.

Но из приемной появилась секретарша и прокричала:

– Александр Иванович, ну что ж вы? Виктор Иванович ждет вас!

– Иду, иду, простите, товарищи, – пошел к приемной бухгалтер.

Когда сели в машину, Козлевич сказал:

– Остап Ибрагимович, а зачем нам ждать два или еще несколько дней, когда этот Мацков Глеб Михайлович из отпуска вернется. Не проще ли съездить к нему домой, возможно, он уже...

– Да, Адам, вы правильно говорите, я хотел было и сам узнать адрес фотографа в конторе. Но решил не заострять внимание директора на слишком моем интересе. Узнаете его адрес вы камрад, Адам Казимирович, в кадрах этого учреждения. Не всё же время мне вам подсказывать, причину выдумайте сами.

– Иду, Остап Ибрагимович, сейчас сделаю всё, как вы говорите.

Балаганов молчал и в разговор старших не вступал. А когда Козлевич ушел с готовностью выполнять поручение своего начальника, он промолвил:

– Командор, вы заметили, что Адам Казимирович всё больше и больше проявляет интерес к делам нашей компании? Советует, подсказывает.

– Заметил, заметил, Шура. Вот и вы берите с него пример. Больше думайте, советуйте мне, и меньше держите в душе сомнений.

– Да я что, командор, разве сомневаюсь? Вы же сами говорили, что я неплохо думаю.

– Ну, не обижайтесь, братец, я говорю так, чтобы вы не расхолаживались в нашем деле.

Но вот из Крымгосиздата вышел с довольным видом Козлевич. В руках он держал бумажку с адресом фотографа. Остап прочел, улыбнулся и спросил:

– Какую же вы причину выдумали, Адам Казимирович?

– Кадровики, как известно, народ, знаете, – уселся на свое водительское место Козлевич. – Сказал, что я его дядя, привез ему бидончик меда...

Услышав эти слова Остап и Балаганов рассмеялись. И Бендер весело отметил:

– Пошли, значит, по проторенному пути? – смотрел на него с одобрением он.

– Да, уж так, – улыбнулся и Козлевич, включая мотор автомобиля. – Кадровичка и нашла дело фотографа и выписала адрес.

– Ну и прекрасно. Попробуем, возможно, он и дома, детушки.

Да, Глеб Михайлович Мацков был дома. После приезда, он решил пару деньков побыть дома, как это принято было, расслабиться. Жил он в двухэтажном доме, на втором этаже в двухкомнатной квартире. Когда компаньоны вошли к нему, то его супруга, хозяйственного вида женщина лет тридцати, приветливо встретила их. И когда Бендер и, сопровождающий его, Балаганов представились, то из другой комнаты вышел к ним мужчина лет тридцати пяти.

Бендер бегло осмотрел его, взглянул на Балаганова, и уточнил:

– Вы Мацков Глеб Михайлович?

– Да, я. Слушаю вас, товарищи, проходите, пожалуйста, присаживайтесь, – баритональным голосом проговорил он.

Мацков был среднего роста, шатен, с открытым приятным лицом. На нем была свободная комнатная одежда, в руках он держал книгу, которую, очевидно, читал перед приходом гостей. Книгу он положил на тумбочку и, приглаживая волосы, подстриженные «ежиком», повторил:

– Прошу садиться, прошу, товарищи. С чем пожаловали?

– Вы фотограф «Крымгосиздата»? – снова уточнил Бендер.

– Да, им и являюсь, сейчас в отпуске вот... – развел он руки, бросив взгляд по комнате.

– Ну что же... Мы были у вас, говорили с вашим директором по вопросу заказа. А затем решили познакомиться непосредственно с вами.

– Очень приятно, очень приятно, слушаю вас.

– Мы археологи... – и Остап изложил всё то, что он уже говорил директору издательства. – Вот мы и захотели с вами поближе познакомиться.

– И сделать большой заказ, – вставил Балаганов, не оставаясь в стороне от беседы.

– Да, сделать большой заказ для наших многочисленных стендов, не только в Крыму, но и в других городах, – пояснил Бендер.

– Да, это заманчиво, это интересно, как раз я после отпуска и не могу сказать, что чересчур буду загружен.

Бендер уже давно понял, что перед ним не тот Мацков, который им нужен. По возрасту не подходит. Что же, опытный дворцовый фотограф был двадцатилетним? Не мог он быть таким, чтобы графы, князья и знатное дворянство фотографировалось у него. И он спросил:

– А-а, вот скажите, вы, очевидно, потомственный фотограф? – осторожно начал великий психоаналитик, надеясь, что если не этот фотограф ёжик», который им не нужен то, может быть, его отец, брат или дядя наконец, тот Мацков М. С.?

– Представьте себе, нет. Почему вы так подумали? – улыбнулся хозяин.

– А потому, что мы слышали об известном фотографe Мацкове М. С., вот я и подумал, может быть, это ваш отец?

– Нет-нет, ничего подобного. Мой отец – служащий, железнодорожник, а я, как увлекся фотографией с юношества, так и работаю фотографом. Учился у известного мастера.

– У кого? – тут же поспешил задать вопрос Остап. – Уж не того же самого Мацкого. М. С.?

– Нет, о таком я и не слышал что-то... – подумал Глеб Михайлович. – Может быть он крымский... А я из Донбасса сам. Там не слышал о таком, товарищи.

– И никто из вашей родни тоже не был фотографом? – спросил рыжеволосый компаньон Бендера. Остап скучным взглядом посмотрел на своего названного брата и промолчал.

– Понятно, уважаемый Глеб Михайлович... – вздохнул он и невольно произнес: – Железнодорожник, не фотограф.

– Это имеет какое-то значение для вашего заказа? – чуть настороженно спросил Мацков, – но как говорится: «Федот, да не тот». – Нет, если биография моя, то смею вас заверить... и в кадрах наших всё сказано обо мне, как положено.

– Да, нет, уважаемый Глеб Михайлович, что вы, это я так.

– А я, товарищ Мацков, вот тоже, родители мои не были механиками, а я вот... – сказал и запнулся Балаганов, осмыслив, что говорит не то, что надо.

– Да, выучился он, и пошел по линии археологии, – осуждающе смотрел на своего помощника покачивал головой Остап. Поняв, что им здесь делать больше нечего, он всё же еще спросил: – Значит, вы ничего не можете нам сказать об этом знаменитом крымском фотографe, и не слышали о нем даже?

– Абсолютно ничего не могу сказать, и не слышал о таком.

– Вопросов больше не имею, товарищ Глеб Михайлович, – встал Бендер. – Встретимся уже у вас, когда выйдете из отпуска. Тогда и обсудим с вашим директором наш договор.

– Очень буду рад посотрудничать с вами, товарищи, – провожал «заказчиков» хозяин.

– Может, чайку попьете? – вышла из кухни хозяйка.

– Нет-нет, благодарствуем, спасибо... В другой раз. Компаньоны распрощались с Мацковыми и в невеселом настроении вышли к автомобилю с Козлевицем.

– Как я вам говорил, Адам и Шура, – сказал Остап, садясь на свое командорское место, – везет не везет, но когда-нибудь повезет. – Да, детушки, это не тот Мацков и не те его возможности.

– Смотрите, фотограф и его жена на нас смотрят из окна, – помахал рукой прощально в сторону дома Балаганов.

– Тем лучше, наш вид с лимузином вселяет в них надежду, на выгодный заказ, – усмехнулся Бендер.

И не знал он, что эти слова через какое-то время явятся действительно реальными, вещами нового гениального дела великого предпринимателя и его верных компаньонов. Но об этом будет рассказано в другом романе.

Когда поехали Остап, поразмышляв, с досадой сказал:

– И что за таинственный такой этот фотограф Мацков? – Интересно... – посмотрел он на часы. – Канцельсоны посещали Фатиму Садыковну с таким же вопросом? А? – спросил он затем своих камрадов, взглянувших с немим вопросом на него. – А ну, поехали, граждане-товарищи, в Саки. Как у нас с бензином, Адам?

Козлевич вдруг рассмеялся, говоря:

– Поскольку нас в пути, Остап Ибрагимович, не ждет бочка авиационного бензина, помните? То наш «майбах» заправлен и в Ялте, и здесь, когда на базаре вы бузой баловались. Да и с баками запасными я не расстаюсь, братцы.

Проделав путь от столицы Крыма до грязелечебного городка Саки за неполных полчаса, «майбах» компаньонов уже въезжал в знакомые ворота санатория. Но одну из бывших горничных графини компаньоны на её службе не застали. Пожилая женщина из медперсонала сказала:

– Она с мужем в Евпатории сейчас, товарищи.

– А где её можно там найти, уважаемая? – мило улыбаясь ей, спросил Бендер.

– А вот чего не знаю, того не ведаю, товарищи. В отпуске они, вот и поехали. – Помолчав, разглядывая Бендера и Балаганова в их нэпманском одеянии, она промолвила: – И что это к ней все...

– Кто все, уважаемая? – подвинулся к ней Бендер.

– Да приезжали к ней тут... Дама такая, значит, нарядная, а с ней мужчина такой... важный, не русский видать. Родственниками они Фатьме представились, тоже расспрашивали как её найти, значит.

– Спасибо, уважаемая. Спасибо. Вопросов больше не имею.

– А хотя и имеете, так что я еще могу сказать, товарищи.

– Вот видите, Шура, если бы им не нужен был Мацков, а вернее его альбом, вряд ли Мишель из Севастополя приехал бы сюда. Важно это? Или нет, камрады?

– Важно, командор, – согласился компаньон-молодец.

– Известное дело, Остап Ибрагимович, раз они и сюда пожаловали, – подтвердил Козлевич. – Куда едем? Возвращаемся в Симферополь, или в Евпаторию, искать эту самую Фатьму?

– В Симферополь... В Евпаторию незачем нам уже ехать, если бы даже и знали, как там найти сакскую горничную. Мы выяснили то, что хотели выяснить, друзья.

Балаганов отпил из фляги немного бузы, когда «майбах» уже выезжал из грязелечебного санатория, а затем сказал:

– Командор, Адам, помните, как в прошлый раз мы здесь вкусно поели. Не посетить ли нам ту же харчевню?

– Да, время и покушать за весь день, – согласился на этот раз без предисловий Бендер.

Проехав по центральной улице к базару, они остановились у распахнутых дверей с вывеской: «Шашлыки. Чебуреки. Шурпа и вино». Заняв столик, заказали обильный обед-полдник. И когда ели, сидящий напротив окна Козлевич вдруг произнес, так как до этого все молчали, занятые едой.

– Братцы, а там фотография, вывеска её...

Остап, наслаждаясь пахучим шашлыком, после шурпы, сделал глоток вина и без всякого энтузиазма промолвил:

– Зайдем, на всякий случай...

– Нам уже по привычке, – усмехнулся Балаганов.

Бендер взглянул на него, но промолчал, держа в руке свернутый вдвое чебурек.

После еды компаньоны зашли в сакскую фотографию. Она размещалась в домике непривлекательного вида, с окнами, с наружными на них синими ставнями. А когда вошли в комнату со скрипучим дощатым полом, то у великого искателя сразу же пропало желание что-либо спрашивать у молодого фотографа с тонкими усиками, который, накрывшись черной материей, устанавливал видимость своего аппарата, направленного на посетителя, с видом замороженного, чинно сидящего, держа руки на коленях, и смотря выпученными глазами в объектив аппарата.

– Будем фотографироваться, товарищи? – освободил голову фотомастер от своего покрывала. – Один момент, спокойно, снимаю, – это он уже сказал застывшему клиенту, и после

магниевой вспышки, еще сказал ему: – Всё, товарищ, вы свободны. За карточками – завтра. – вытащив кассету из фотокамеры понес её за шторы в проявочную.

– Может быть и нам запечатлеться, командор?

– Еще успеете, Шура, если ваше обличье понадобится УГРО, – ответил Бендер.

– Так как будем сниматься, товарищи? – вышел из-за штор фотограф. – Группой или по одному?

– Спасибо, мастер, но нас интересует фотограф по фамилии Мацков, – без малейшей надежды спросил Бендер.

И это подтвердилось, когда тот, подняв бровки от такого вопроса, а может быть, от разочарования, что вошедшие не собираются фотографироваться ни группой, ни по одиночке, ответил не совсем мягко:

– Нет такого здесь, товарищи. Я Сидоров, а Мацкова... И не слыхал о таком даже, – с сожалением смотрел он на не состоявшихся трех его клиентов.

– Вопросов больше не имею, мастер, – пошел к выходу Остап, а за ним и его «камрады».

– Так не желаете фотографироваться? – сделал последнюю попытку тонкоусый фотограф.

– Времени нет, уважаемый, ищем фотографа Мацкова, вот если бы...

– Да, товарищ, но на обратном пути, мы бы могли, – подпрягся Балаганов, вселяя надежду на заказ фотографу.

– Если так, могу посоветовать, – вышел вслед за компаньонами фотограф. – Вам надо обратиться в Дом обслуживания населения Крыма, товарищи. Там, возможно, и знают, – восхищенно смотрел он на «майбах».

– Дом обслуживания населения Крыма? – остановился Остап, с интересом глядя на советчика. Ваша фотомастерская тоже входит туда?

– Туда, туда, – закивал фотограф. – И расценки поэтому у меня ниже, чем у частного.

– Учтем, товарищ. Спасибо за совет, на обратном пути и заедем к вам. А где находится Дом товарищ?

– В Симферополе, на Пушкинской, где же ему быть. Так заезжайте, буду рад вас обслужить. Посмотрите мое качество... – указал он на стенды с фотокарточками прикрепленными к половинчатым створкам двери.

– Да, хорошее, смотрели уже, товарищ, – поспешил сесть в машину на свое командорское место Бендер. – Адье, товарищ! – приложил он два пальца к фуражке.

Выпустив струйку сизого дымка, автомобиль помчался на выезд из этого курортно-лечебного городка. Бендер молчал, а затем сказал, укоризненным тоном голоса:

– Я очень недоволен собой, друзья. Не додуматься до такой простой вещи. Не знать о конторе обслуживания. Частные-частные, но есть же и государственные фотомастерские.

– Вот именно, командор, где и расценки ниже...

– Причем здесь расценки, причем? Шура? Разве нам это надо? – раздраженно проговорил Остап.

– Нет, я просто... – промямлил Балаганов.

– Просто, просто, – передразнил его командор. – Просто...

– Просто, – кивнул Балаганов. – И вы не додумались до простой вещи, если по справедливости, – поджал губы, отвернув голову в сторону, отметил мстительный бортмеханик – запасной водитель «майбаха».

Глава 4. В «Доме обслуживания населения Крыма»

В Симферополе компаньоны выехали к вокзалу, а затем поехали по Салгирной улице перерезающей город почти надвое. С нее свернули на Пушкинскую, где располагались самые солидные учреждения и изысканные торговые заведения.

Балаганов читал надписи на них вслух:

– Кондитерская Абрикосова, Гастрономический магазин братьев Шишман, – вдруг воскликнул: – Как в Одессе, кафе Фанкони!

– Их несколько на юге России, Шура, – пояснил Бендер.

Проехали городской театр и парадно-вычурное здание с сохранившейся, хотя и забеленной надписью: «Варьете Ша-Нуар» и витринно-рекламные фасады бывших кинотеатров: «Баян», «Лотос», «Ампир». У трамвайного поворота с бывшей Екатерининской на Пушкинскую, «майбах» остановился у двухэтажного каменного дома с вывеской над входом: «Дом обслуживания населения Крыма».

– Хотите сделать заказ, товарищи? – спросила женщина вошедших в контору Бендера и Балаганова. Она сидела за небольшим столиком с квитанциями и разными бумагами.

– Нет, уважаемая, нам нужен фотограф Мацков, к нему мы.

– А-а, так это по коридору салон направо, – углубилась она снова в свои записи.

– Так что будем снимать, товарищи? Какие заказы? Групповые индивидуальные, или портретные работы? – услышали компаньоны вопрос от фотографа средних лет, в тюбетейке.

– Нет-нет, товарищ. Нас интересует только фотограф Мацков М. С., – пояснил Бендер.

– А-а, Мацков... Такого я не знаю, у нас он и не числится. Может, директор наш знает, он давно здесь работает, а я только второй год. – Вашу квитанцию, гражданочка, сейчас посмотрим... – обратился он к уже вошедшей женщине-заказчице. – Так что, товарищи... Пройдите по коридору, там кабинет директора... – указал он рукой. – Он всё знает, давно работает... – повторял фотограф, перебирая фотокарточки, чтобы отыскать нужные по квитанции.

– Благодарю, товарищ, – пошел Остап в сопровождении своего друга и помощника по коридору.

Кабинет директора был без приемной и дверь его выходила прямо в коридор. На двери висела табличка: «Директор. Цмель Моисей Аронович». Бендер постучал и, не ожидая ответа, открыл дверь. В кабинете сидел пожилой человек в очках. На столе перед ним лежали счета, костяшками которых он ловко щелкал, а затем подсчет заносил в конторскую книгу. Сдвинув очки на лоб, он посмотрел на вошедших, кивнул и молча указал посетителям на стулья у стола. А сам вновь защелкал счетами, ведя запись в книге. Бендер хотел было поприветствовать хозяина кабинета, как положено, но воздержался, видя как тот сосредоточено подсчитывает свою «сальдо-бульбу», как Остап называл эту счетоводческую операцию. И только когда директор подбил итог, записал в книгу, он произнес:

– Здравствуйте, товарищ директор.

– Здравствуйте... – промолвил и Балаганов.

– Здравствуйте, товарищи, чем могу послужить вам? – последовал ответ, снова сдвинул очки на лоб директор.

Это был человек удивительно схожий по своему виду с мариупольским Саввой Саввичем Мурмураки. Лысоват с остатками седых волос, кругленькой комплекции, но опрятно одет. Вид его был несколько интеллигентным. Лицо с правильными чертами, но усталое и даже несколько озабоченное, о чем говорили несколько выпуклые глаза под густыми бровями. И Бендер подумал: «Уж не этот ли сам Мацков Моисей Самуэлевич?», но тут же отбросил эту мысль, как не реальную. И он представился как уже было не раз, что он из газеты, а его товарищ из радиокомитета, а потом сказал:

– Нас интересует фотограф Мацков М. С., фотографические работы которого мы собираемся публиковать.

– И устроить радиопередачу, уважаемый товарищ директор, – вставил поспешно Балаганов, глядя почему-то не на директора, а на своего предводителя.

– Мацков, говорите? М. С.? Фотограф? Такого у нас нет, товарищи. Я не знал такого никогда. Может быть, Мацкин? Так это да. Моисей Семенович Мацкин... – повторил как-то вспоминательно хозяин кабинета. – Был такой, знал я его, да и многие его знали, очень известный был фотограф. Снимал всех знатных людей, дворцовых, я бы сказал, их владельцев. Портреты их делал. Но фотографировал он сам только дворян, товарищи. Других снимали его фотографии. Он был большим хозяином, у него было несколько фотосалонов по Крыму. И говорили, что фотомастерские были у него и в других краях, я вам скажу.

Компаньоны слушали директора, затаив дыхание, боясь пропустить хотя бы одно слово из его не совсем грамотных выражениях. Не перебивали руководителя конторы обслуживающей населения Крыма.

– Если вас интересует этот Мацкин, то да, был такой, – замолчал директор, сбросив косточки на одну сторону счет.

И видя, что хозяин уже высказался, Бендер заторопился с вопросом:

– А где он, где он живет? Дорогой товарищ?

– Где он сейчас живет? – опустил очки на переносицу директор и поверх них взглянул на Остапа. – Где живет, никому неизвестно. Революция, война, всё перемешала, я вам скажу, – вздохнул он.

– А жил где? – тут же задал вопрос Бендер.

– Жил? – удивленно посмотрел уже без очков, которые он успел снова поднять на лоб, переспросил хозяин кабинета. И обведя свой кабинет взором еще раз произнес:

– Жил? Вот здесь и жил, где вы сейчас и сидите, товарищ. Это весь его дом, здесь была его фотостудия, где сейчас работают наши фотографы, фотолаборатория, а на втором этаже, как мне известно, располагались его жилые комнаты. Очень богатый был человек, состоятельный, имел свой фаэтон, автомобиль, чтобы разъезжать по дворцам, когда его приглашали. Да-а... – протянул со вздохом глава обслуживания крымского населения. – Жил, ничего не скажешь, – прервался он.

– А где он? Где же он сейчас? – ворвался в паузу Бендер.

– Да, сейчас? – выпалил и Балаганов.

– Где? Как где? Где же он может быть? Как вам известно в Крыму было ой-оеё, что было, если вспомнить. То революция, то немцы, то французы-англичане, то Деникин, потом Врангель. И власть теперешняя сейчас, товарищи. Так где же он может быть, хочу я вас спросить. Конечно же, в загранице. Оставаться здесь, когда он верно знал, что всё это, – обвел рукой свой кабинет, – у него заберут. А его самого... – не договорив, недвусмысленно развел руками директор.

– Ясно, – упавшим голосом протянул Остап.

– Да, час от часу не светлее, – кивнул своему командору Балаганов и, наклонив голову, уставился на директора обслуживавшей конторы.

– Значит, ничего другого вы нам сообщить больше не можете?

– Что же я могу вам еще сообщить, товарищи. Я вам рассказал всё, что знал. Я в то время работал не у него, фотографией я и не занимался, обшивал людей, портным был, товарищи. А вот мой постоянный заказчик – так тот да. Служил у хозяина лаборантом...

– Лаборантом? – переспросил Балаганов. – Как это?

Бендер сунул ногу к своему помощнику и стукнул его по туфле.

– Как это? Лаборантом, который проявляет пластинки, закрепляет и делает уже фотографии. Вы что, молодой человек, не знаете разве?

– Да, это... Мы газетчики это хорошо знаем, – вставил Остап, хотя и он не совсем был знатоком всего фотографического процесса. – А радисты... радиокомитетчики могут этого и не знать.

– Да, понимаю, разве можно всё знать, – согласился директор.

– А где можно повидать нам вашего постоянного заказчика и поговорить с ним? – спросил, обнадеживая сам себя, что узнает еще что-то у этого лаборанта Бендер. – Как имя, отчество его?

– Зовут? Звали вы спрашиваете? Насколько я помню, господином Мильхом его звали, а вот отчество... – задумался директор. – Не помню его отчество, товарищи, – поджал губы он виновато.

– Ну, а как его найти? Как его найти? – задал вопрос Остап, который он уже не раз задавал в своем поиске.

– Вы меня спрашиваете как его найти? Если бы он был в живых, то, может быть, я бы вам и подсказал. Он был связан с подпольем, с красным подпольем, так врангелевцы его арестовали и расстреляли. Ему не повезло, как мне. Я удачно скрылся, ведь я тоже помогал подпольщикам, хотя не могу называться героем освобождения Крыма, по некоторым обстоятельствам.

– Так, так... Но мы, молодые, с уважением относимся к таким каким являетесь вы, уважаемый Моисей Аронович. Так говорите, его расстреляли?

Балаганов так и порывался задать свой вопрос, но после пинка ноги командора, молчал, как в рот воды набравший.

– К сожалению, товарищи. Расстреляли, несмотря на то, что брат его был мичманом у тех же врангелевцев. А сестра его служила во дворце «Кичкинэ», это возле Ялты, если вы знаете. Тоже важная особа была, как мне известно. У неё в любовниках ходил белый капитан. Она как-то приезжала с ним на автомобиле в Симферополь. А вот ее брату, как я уже говорил, не повезло, погиб, как поется в песне «за правое дело», – усмехнулся Цмель.

И Остап понял его усмешку как скепсис, хотя и относится к советской элите, находясь на должности директора. Но, очевидно, не в восторге от теперешнего «правого дела», и Бендер действительно спросил:

– И всё же, может, у родителей можно узнать что-нибудь? О их сыне? Если живы они, конечно, да и брат, сестра...

– Ну, адрес я вам назову, конечно, улицу... Там найдете, если надо... – открыл он стол и начал копаться в ящике его. Компаньоны терпеливо ждали, а он говорил: – Если так вам надо для вашей газеты и радио... Посмотрю в своих старых записях...

– Да-да, посмотрите, пожалуйста, Моисей Аронович, мы будем вам очень благодарны.

– Может и о вас несколько слов скажем... – промолвил Балаганов, глядя на Бендера с немым вопросом: «Правильно сказал я, командор?».

Остап кивнул, склонив голову, что, мол, одобряет эту вставку, несмотря на свой недавний запрет названному брату Васе выступать в их важном разговоре.

– Так вот... Своих заказчиков я записывал... Нашел, имя, отчество есть... Мильх Виктор Карлович, Гимназический переулок... номера дома нет. Проживал может с родителями, может и с женой... или еще с кем, как я могу знать. Я с ним не поддерживал отношения. И во время подпольной работы, а так... – покачал головой бывший портной.

– А сестра его, вы с ней не встречались? – задал вопрос Остап.

– Конечно, нет, как же я мог с ней встречаться, – снял очки Цмель и начал их старательно протирать фланелькой. – Встречаться... – повторил он свое, – когда врангелевцы и знать дворянская уплыли морем. И сестра Мильха с ними, наверное... С офицером жила она, как я говорил, что видел её разъезжающей в машине. Красивая была такая, молодая, нарядная, какой я её видел.

– И фамилия у неё, наверное, тоже Мильх?

– А вот имя её не знаю, – одел очки и посмотрел сквозь них на «газетчика». – А если замуж вышла, то и фамилия, может, у неё другая, товарищи.

– А сейчас у вас фотографии все новые?

– Конечно, где же наберешься старых на советскую зарплату, – усмехнулся Моисей Аронович. – Кто опытный и с деньгами свое дело пооткрывали, а кто нет... Пришлось разных приглашать, опытные не опытные, но работаем. Вот так, что могу вам сказать на все ваши вопросы, товарищи.

Поблагодарив Моисей Ароновича, компаньоны, обнадеженные узнанным, вышли уже на вечернюю Пушкинскую улицу.

Когда он и его помощник сели в машину, Остап сказал:

– Номер дома в Гимназическом переулке нам неизвестен, поэтому завтра снова в адресное бюро, камрады.

– В адресное бюро? Нашли Мацкова? Остап Ибрагимович? – спросил обрадовано Козлевич.

– Нет, Адам. Искали не ту фамилию, не Мацков, оказывается, а Мацкин, – и Остап поделился полученными сведениями со своим непревзойденным автомехаником. И закончив, распорядился: – Ночуем в знакомой нам гостинице...

– Но и поужинать надо, командор, – обернулся к нему Шура.

– И поужинаем, детушки. А завтра утром снова в бой.

После ужина и поселения в гостинице два компаньона вышли прогуляться по ночному Симферополю. Козлевич остался отдыхать в автомобиле. Бендер был задумчив и с Балагановым почти не разговаривал, рассуждая, как это было часто.

Походив мимо ярко освещенных витрин кинотеатров, магазинов, кафетерий и кондитерских, Остап и Балаганов вышли на Салгирную к базару. Там всё еще толкался народ, продавцы зывали покупателей, устало расхваливая свой товар.

В эту ночь Бендер и Балаганов спали в одном номере, без женщин, которые напрашивались на знакомство, когда они прогуливались. Козлевич остался в автомобиле, сторожил его.

До открытия адресного бюро, сидя в машине, Остап говорил своим компаньонам:

– Конечно, визит к родителям фотолаборанта-под-польщика, если они даже и живы, ничего нам не даст. И за хозяина их сына они навряд ли нам что-либо сообщат, друзья-искатели. Но всё же попытаемся что-нибудь узнать. Поскольку их сын был исполнителем, обрабатывал заснятые материалы заведением Мацкина, то должен и знать что-то...

– Да, он, а не его родители, Остап Ибрагимович, – вздохнул Козлевич.

– Если бы жив был бы, этот фотолаборант, командор.

– Конечно он же и карточки для этого фотоальбома печатал, проявлял и закреплял, – говорил Бендер, как будто не слыша замечаний своих единомышленников.

– Нет человека в живых, а вы, командор, говорите...

– Да, резонно, Шура, резонно, – оторвался от своих размышлений Бендер. – Я и говорю, всё это туманно и неопределенно, но... – сделал паузу Бендер.

– Посетить этот адрес нам следует... – закончил за своего предводителя Козлевич.

– Нам надо после этого, камрады, посетить и дворец «Кичкинэ». Там, может быть, отыщется сестра фотолаборанта, которая гуляла с офицером белых.

– Надо, Остап Ибрагимович, надо, – согласился Козлевич. Балаганов молчал, чувствовалось, что он не доспал и сейчас подремывал, откинувшись на мягком сидении.

Бендер еще немного вслух поразмыслил и, взглянув на часы, вошел в адресное бюро, куда прошли уже служащие.

Та же самая сотрудница за окошком адресной конторы Бендеру сказала:

– И снова ищите друга, а года рождения не знаете, товарищ.

– Не знаю, – вздохнул Остап.

– Ну что же, посмотрим. Через тридцать минут получите справку.

– Очень вам благодарен, товарищ, – пошел Бендер к ожидающим его друзьям.

Через полчаса великий искатель снова был в адресном бюро и вышел оттуда с бумажкой в руке. Компаньонам, сидящим в автомобиле, он скучно сказал.

– Такой фамилии с именем и отчеством таким в адресной конторе не значится.

– А может быть, с другими именами и отчествами? – тут же спросил Балаганов.

– Послушайте, Шура, неужели вы думаете, что я не выписал бы с этой фамилией и других? С разными именами и отчествами? Не одного Мильха не оказалось, – сердито промолвил Остап, усаживаясь на свое командорское место.

– Да, дело осложняется, Остап Ибрагимович, – повернулся с переднего сидения боком Козлевич к своему директору. – Расстреляли беляки, так что же, нигде не числится такой? – покачал головой он.

– И мне удивительно, – кивнул головой Остап. Вынул коробку «Дюбека» и закурил. Это обычно он делал редко и по двум причинам: когда ему надо было сосредоточиться над проблемой, и когда ему нужно было для беседы с нужным человеком.

– А может, тот директор сказал нам неправильную фамилию этого лаборанта? – обернулся лицом к Бендеру Балаганов.

– Может быть, может быть... Иди знай какая правильная фамилия этого лаборанта? Одна буква, Шура и Адам, уже путает карты. Уже адресники не могут найти. Скажем не Мильх, что по-немецки молоко, а Мельх, не Мильх, а Милях, Милян, Мулян, Мялян, вот вам и задача, друзья. Как и Мацков не Мацков, а Мацкин. Мы с ног сбились, ища Мацкого, а он Мацкин, – всё больше и больше выражал свое недовольство Бендер. – Убедились?

– А может, Остап Ибрагимович, поехать нам по этому самому Гимназическому переулку да расспросить людей. Если не Мильха, так кто-то похожую на эту фамилию нам и подскажет, – пригладил усы Козлевич.

– Ну, Адам Казимирович, вы в последнее время всё подсказываете дельные предложения, – похвалил его Бендер. – Верно, попытаемся, камрады. Курс на этот самый школьный переулок.

Чтобы к нему проехать компаньоны по пути спрашивали только у пожилых людей, которые могли бы подсказать правильное направление, так как Гимназический переулок наверняка был уже переименован в какой-то угодный советам. Нашли они его всё же без особенных трудностей. А когда въехали в него, то без сложностей нашли и дом, где раньше проживали Мильхи. Этот дом они отыскивали, когда разошлись по переулку и начали опрашивать тамошних жильцов. И первому кому повезло в этом поиске, был Балаганов. Что да, действительно в этом доме проживали люди под фамилией Мильхи, а сейчас там жили совершенно другие жильцы, поселенные туда городскими властями.

Хозева – мужчина средних лет, в прошлом буденновец и его жена, помоложе, в красной косынке, окруженная двумя детьми, подтверждали, что в этом доме жили Мильхи до них. А кто он, фотограф или фотолаборант, им не известно. Знают они только, что Карловича врангелевцы расстреляли, как подпольщика, хозяин погиб на войне, а хозяйка потеряв сына и мужа, несколько лет тому назад, как умерла.

– А была еще у него сестра, дочь хозяев, где она, не подскажете? – выслушав всё это спросил Бендер.

Хозева стояли во дворе, напротив троих компаньонов, глазели на них, на их сверкающий лаком автомобиль, но в дом не приглашали. И на этот вопрос хозяйка ответила:

– Говорили, что проживала она, эта самая их дочка на Южном Берегу, а где не знаем.

– И брат того, кого вы ищете, вроде, моряк, тоже был у них. Но тот, говорили, у белых мичманом ходил. Где, что с ним, тоже сказать не могу, – курил хозяин папиросу, которой угостил его Бендер.

– Ну что ж... Нам остается только поблагодарить вас за сказанное нам. До свидания, товарищи, – пошел со двора Бендер в сопровождении своих единомышленников.

Получив сведения о фотолаборанте, Остап сидел в задумчивости, осознавая, что его поиск поставлен в тупик. Молчали и его компаньоны. Они уже отъехали от дома, где когда-то проживали Мильхи и настроение у них было совсем невеселое.

– Поехали, Адам, к базару, попьем бузы, – тихо проговорил Бендер. – Попьем и подумаем, что делать нам дальше.

Утолив жажду, хотели уже было садиться в машину, но Козлевич придвинулся к своему начальнику и тихо сказал:

– Если не ошибаюсь, Остап Ибрагимович, то посмотрите, по базару пробираются алупинский экскурсовод Березовский, а за ним его женушка.

– Да ну? – и Остап устремился сквозь толпу к Березовским. И представ перед ними, приветствовал их:

– О, Петр Николаевич, дорогая Ксения Алексеевна, какими судьбами!

– О, рад видеть вас, Богдан Османович – распустил лицо в улыбке верный бывший служака дома Романовых.

– Я тоже рада вас видеть, Богдан Османович, – заулыбалась Березовская.

– Приехали на могилку нашего сынка, помянули, царствие ему небесное, да вот, попутно кое-какие покупки решили сделать, – пояснил Петр Николаевич. – И домой...

– Понятно, уважаемые, ясно, – продолжал умиленно смотреть на чету Березовских Бендер. – Если домой, то милости прошу в наш авто, когда сделаете покупки. Мы собираемся тоже ехать в Ялту. Так что, прошу вас.

– О, это просто сказочно будет, правда, Петр – воскликнула Ксения Алексеевна. – Так будем благодарны, так благодарны...

– Ну что вы, что вы, Ксения Алексеевна, по пути ведь... Как же не помочь нашим дорогим Березовским.

– Сейчас же, сейчас же, едем с вами, уважаемый Богдан Османович, мы всё уже купили, так что... – заверил Березовский.

– Не спешите, не спешите, будем ждать, покупайте еще всё, что вам надо.

Березовские заспешили купить еще что-то, а Бендер вернулся к машине и сказал:

– Окажем услугу нашим дворцовым друзьям, камрады. Прихватим их с собой.

– Да, конечно, Остап Ибрагимович, полезные люди, – ответил Козлевич.

– И могут оказаться еще более полезными, если уж так, – отметил Балаганов, кивая головой.

Вскоре «майбах» уже с пятью седоками покинул столицу Крыма и мчался по серпантину к Ялте. Говорили обо всем. Петр Николаевич, как отличный знаток Крыма был незаменимым гидом в пути. Указал компаньонам-искателям на памятник Льву Николаевичу Толстому, который в молодости воевал в Крымско-турецкую войну, место сражения русских войск с турками, где великий полководец Михаил Илларионович Кутузов потерял глаз. А когда проезжали место, где во время сильного землетрясения в 1927 году, произошел обвал горы и похоронил целое селение, Петр Николаевич поведав об этом, указал:

– А дальше, граждане-товарищи, гора «Джемерджи». И если вы присмотритесь к её вершине, то увидите отчетливый профиль царицы Екатерины Второй...

И три единомышленника усталились на вершину горы, так как дорога шла спуском и Козлевич остановил автомобиль, чтобы не совершить аварию.

– Ой, правда, правда, Петр Николаевич – воскликнул Балаганов, привстав с сидения и приложив ладонь ко лбу полочкой.

– Верно, братцы, голова и схожая с дамой не иначе, – отметил Козлевич.

– Похожа, похожа, ничего не возразишь... – согласился и Бендер. – Неужели природа так?

Когда поехали, Березовский продолжил:

– Любопытная история этого творения, друзья. Нет, это не природное творение, а высекал в камне один купец, как гласит легенда. Он поднимался к вершине и отесывал камень не протяжении многих месяцев и даже лет, готовя сюрприз царице, которая должна посетить Крым. И как видите, его творение и по сей день стоит профилем к дороге, а анфасом к морю. Видите, мы уже видим море у Алушты.

Многое еще рассказывал интересного компаньонам Березовский. И о самой Алуште, и о горе «Медведь», и о Гурзуфе, и о месте, где останавливался А. С. Пушкин, когда гостил у Раевских и о многом другом. И когда проезжали Никитский Ботанический сад, он, увидев, как какой-то фотограф у дороги снимет группу туристов вдруг сказал:

– А вы знаете, Богдан Османович, тем чем интересовались вы, интересовались и супруги из Севастополя. Анна Кузьминична, бывшая горничная загородного дома Воронцова в Симферополе и её заграничный супруг, греческий негодник.

– Он такой же греческий негодник, как я китаянка, – вставила Ксения Алексеевна.

Остап рассмеялся и спросил:

– Это почему же у вас к нему такое неверие, Ксения Алексеевна? – Да потому, как я понимаю, он типичный негодник не греческий, а скорее всего еврейский.

После того, как смех в машине затих, Бендер спросил:

– Так чем же они интересовались, господа дворца служивые?

– Да тем же дворцовым фотографом Мацковым, как и вы. Расспрашивали, где его найти, где проживает, проживал. И не осталось ли по какой-нибудь случайности его знаменитого фотоальбома.

– А еще он сказал, – перебила супруга Ксения Алексеевна, что никак не соответствовало бывшей выпускнице из института благородных девиц, и это было объяснимо, так как за годы правления гегемона пролетариата культура её поведения неузнаваемо изменилась. Петр Николаевич укоризненно посмотрел на неё и хотел продолжить, но она опередила его словами: – Да, сказал, что если мы встретим когда-либо этого фотографа, Мацкова, как он его называл, то мы должны спросить у него за сколько он продаст свой фотоальбом с известными лицами и что он заплатит очень щедро за этот самый фотоальбом.

– И что за таинственный этот альбом – хлопнул себя по колену рукой Бендер.

Но в это время Петр Николаевич вновь стал гидом и до Ялты успел кратко рассказать компаньонам о Никитском ботаническом саду и о Массандре, о её многолетних винных хранилищах князя Голицына.

А когда «майбах» въехал в Ялту, то Бендер распорядился:

– Адам, поезжайте, в Алупку, доставим наших уважаемых друзей к их дому.

Березовские были несказано благодарны за такую услугу и Петр Николаевич по пути вновь поведал интересное о царском дворце Ливадия, Ореанде, Золотом пляже, дворцах Юсупова и Дельбер. Не забыл он упомянуть и о дворце «Кичкинэ». И когда он упомянул о нем, то Бендер тут же спросил:

– Петр Николаевич, а нет ли у вас знакомых людей, которые служили в свое время в этом самом «Кичкинэ»?

К только Березовский собрался было ответить, как Ксения Алексеевна тут же опередила его:

– Как нет, разумеется, имеются, Алиса Евгеньевна Абанина, бывшая гувернантка детей владельцев дворца. Управляющий...

– Нет, Ксения, как мне известно, Апостолов Александр Михайлович уже покинул Крым, – поправил супругу Петр Николаевич.

– Ах, да, его фамилия Апостолов...

– Его долго притесняли власти допросами и разными подозрениями, вот он и решил уехать, – вздохнул Березовский.

– Ну еще наш знакомый, тоже гувернёр, а сейчас завхозом там служит, Владлен Яковлевич... – добавила Ксения Алексеевна.

– Сейчас там санаторий, граждане-товарищи, так что Владлену Яковлевичу Денисову и удалось пристроиться, как и мне экскурсоводом, – усмехнулся Березовский.

– Многим так пришлось, – подтвердила Ксения Алексеевна.

– А служанку Мильх, вы знали?

– Мильх? – посмотрела на супруга Ксения Алексеевна?

– Не приходилось знать, – ответил Петр Николаевич.

– Да и я не слышала такую фамилию, – подтвердила Березовская.

– Она имела какое-нибудь отношение к Елизавете Андреевне? – немного помолчав, спросил Петр Николаевич.

– Нет-нет, к ней интерес по другой причине. Графиня Воронцова-Дашкова это была великая графиня своего времени, как надо полагать, – промолвил Бендер.

– Это верно, – вздохнул Березовский. – Вся её родословная тесно связана с многочисленной аристократической родней: Долгоруковых, Шуваловых, Шереметьевых, Демидовых, Мусиных-Пушкиных...

– Пушкиных? – спросил Бендер.

– Да, но чтобы вам было более понятно и ясно, сделаю экскурс в историю, её биографии...

– Но коль уж речь зашла об этом, Петр, следует сказать и о графе Воронцове-Дашкове, супруге Елизаветы Андреевны, судари. Илларионе Ивановиче, – вставила Ксения Алексеевна.

– Воронцов-Дашков Илларион Иванович 1837 года рождения, получил хорошее образование в Санкт-Петербурге, затем учился в Московском университете. А в 1839 году перевелся на Кавказ. Служил адъютантом кавказского наместника князя Барятинского. Получил орден святой Анны четвертой степени с надписью: «За храбрость» и золотую саблю с такой же надписью. Затем отправляется в Туркестан и в тридцать лет назначается командиром лейб-гвардейского гусарского его величества полка. В Питер возвращается светским генералом, георгиевским кавалером.

В 1867 г. Илларион Иванович женится на Елизавете Андреевне, Лиле, как её ласково называли в роду Шуваловых. Она была внучкой первого кавказского наместника князя Михаила Семеновича Воронцова, приходившегося Иллариону Ивановичу троюродным дядей.

– Вот так вновь соединились две ветви Воронцовых, – улыбнулась Бендеру Ксения Алексеевна.

– Вы говорили о Пушкиных? – заметил Бендер.

– То, что вы имеете в виду, это другое, уважаемый Богдан Османович. Имелся родственный род Мусиных-Пушкиных. Но коль возник таков вопрос, то скажу. Существует пушкиноведческая гипотеза, что мать Елизаветы Андреевны Софья Михайловна Воронцова является дочерью Пушкина, которой предположительно и было посвящено стихотворение поэта: «Прощай, о милое дитя, я не скажу тебе причины...».

– Но это гипотеза, судари, предположение, – взглянула на Остапа Ксения Алексеевна.

– Но вернемся к Воронцову-Дашкову, граждане-товарищи, – продолжил Березовский. – Живя в своем тамбовском имении – Ново-Томниково, он был склонен находить причины революционного нарастания. В 1881 году 1 марта убит Александр I. Связанным давней дружбой с наследником, Воронцов-Дашков принимает охрану безопасности Александра III. Ведет тайные переговоры с «Народной волей» прекратить террористические акты.

В 1881-82 годах Илларион Иванович занимает пост министра императорского двора и уделов, главного управляющего конезаводом, канцлера Капитула российского и император-

ских орденов. Благотворителен, что не всегда нравится Александру III. Но дружба сохраняется. Возглавлял Российское общество Красного Креста...

– Которое в двадцатом Советы упразднили, – вставила Березовская.

– Но в двадцать третьем, насколько я помню эти же Советы создали Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, – уточнил Петр Николаевич.

– Только бы не по старому назвать... – усмехнулась его супруга.

– Ну что же, судари, несколько слов в заключение моего рассказа о графе Воронцове-Дашкове, – помолчав немного, промолвил Березовским. – В 1905-году он назначается наместником на Кавказе, где служит до 1915 года. Как известно в это время там бурлит революционное движение. Он старается исправить ошибки прежней администрации. Но в 78 лет Воронцову-Дашкову уже не под силу такая деятельность и в августе 1915 года он уходит в отставку. Получает орден святого Андрея Первозванного и орден Георгия 3-й степени... Вот каков супруг был у нашей графини Елизаветы Андреевны...

– Очень интересно, очень, уважаемый Петр Николаевич, только еще вопрос. Он жил после Кавказа в Воронцовском дворце?

– Разумеется. И 15 января 1916 года Воронцов-Дашков скончался тут же, в Алушке, – кивнул он в сторону дворца так как «майбах» уже въезжал в городок.

Доставив Березовских в Алушку, компаньоны вернулись в свою штаб-квартиру в Ялте. После ужина, расхаживая взад-вперед по веранде, Бендер говорил:

– Вот видите, детушки-компаньоны, Канцельсон не дремлет. Побывал не только у Софьи Павловна, но и у Фатимы Садыковны, а теперь нам стало известно, что был он также и у Березовских. И не ошибусь, если скажу, что греческий негоциант побывал бы с тем же делом и у Екатерины Владимировны с его муженьком, не иначе, как офицериком в прошлом, если бы они были бы сейчас в Ялте. И везде вопрос у него: «как найти фотографа Мацкова?» И не так самого фотографа, как приобрести таинственный и загадочный фотоальбом Мацкова. Вывод один: искать надо не только Мацкова, а лучше сам фотоальбом...

– Эге-ге, – пустил смешок. Балаганов. – Как же его? Живого человека не можем найти, а как же найти этот самый фотоальбом?

– Да, Остап Ибрагимович, это сложная задача, – пригладил усы Козлевич. – О кладе мы знаем, что он где-то во дворце. А фотоальбом? Ясно, что в нем кроется разгадка места, где сокрыты ценности уважаемой графини Вороницовой-Дашковой. Если даже старший помощник капитана «Тринакрии» ищет его разными путями, – высказывался он.

– Всё это так, Адам Казимирович, командор, но разве его отыщешь? – с явным скепсисом проговорил Балаганов. – Об этом можно только догадываться.

Остап молчал, слушая высказывания своих ком-паньонов-помощников, но услышав последние слова рыжеволосого названного брата, чуть было не взорвался в негодовании:

– Догадываться, Догадываться, – взглянул на него Остап. – Так или иначе, но нам надо найти этот фотоальбом, камрады – рубанул рукой воздух Бендер. И голосом не терпящим возражений, решительно заявил: – Но чтобы его найти, попробуем отыскать сестру и брата Мильха Виктора Карловича. Но где их искать? Сестру во дворце... а вот мичмана Мильха... – погасив раздражение, задумался Бендер.

Козлевич и Балаганов молча смотрели на своего руководителя и ждали, что тот скажет дальше, какие наметит их дальнейшие действия, что предложит, и он предложил:

– Завтра едем в «Кичкинэ».

Глава 5. В «Кичкинэ»

Рано утром компаньона выехали из города и вскоре Козлевич остановил «майбах» во дворе дворца «Кичкинэ». Время завтрака для отдыхающих еще не наступило, время службы для персонала уже началось.

«Кичкине», что означает по-татарски малютка был небольшим, но чрезвычайно изящным и нарядным дворцом в мавританском стиле. Дворец был построен в 1912 году для Романовых по проекту архитектора Н. Г. Тарасова. Сейчас он являлся и санаторием, и туристической базой для гегемона пролетариата. Но это мало волновало и интересовало компаньонов. Без труда они нашли бывшую гувернантку бывших владельцев дворца Абанину. Нашли её в подвальной комнате камеры хранения вещей отдыхающих. Она заведовала ею и библиотекой по совместительству.

Это была пожилая женщина интеллигентного вида. Узелок седых волос был завязан черной лентой, очки в металлической оправе. Широко раскрытые светлые глаза смотрели на незнакомцев настороженно.

– Алиса Евгеньевна? – обратился с улыбкой к ней Остап. – Абанина?

– Да... – тихо промолвила женщина с испугом глядя на него и на молодцеватого Балаганова. «Уж не из ГПУ ли?» – мелькнуло в её голове.

– Мы из газеты... – начал как обычно Бендер.

– И из радиокомитета, – вставил рыжеволосый компаньон.

Услышав это, Алиса Евгеньевна немного успокоилась. Но когда доследовали вопросы, то она всё же весьма скупно и осторожно отвечала. А на вопрос: «Где можно найти бывшую служанку по фамилии Мильх?», Абанину явно охватила дрожь. Но она помедлила и тихо переспросила:

– Мильх? Елену?

– Да-да, Елену Карловну? – ухватился за узнанное имя сестры фотолаборанта Виктора Мильха.

– Так её нет, товарищи. Как мне известно, она вышла замуж за офицера и отбыла с ним из Крыма еще в двадцатом...

– О ней вопросов больше не имею, уважаемая Алиса Евгеньевна.

– А что вам известно о дворцовом фотографe господине Мацкине Михаиле Семеновиче? Мы ищем его не как бывшего крупного фотовладельца, а совершенно по другой причине.

– И вы интересуетесь его фотоальбомом? – приподняла очки и опустила вновь на переносицу женщина.

– И мы, уважаемая товарищ, – вставил официально Балаганов, посмотрев на командора. Но Бендер, не взглянув на него, быстро спросил:

– А кто еще им и его фотоальбомом интересуется?

– Интересовались им давно. Это когда наши... – испуганно запнулась женщина, чуть не сказав наши, белые отступили, но поправилась и уже смелее повторила: – Наши освободили Крым, то власти опрашивали всех, кто служил здесь раньше.

– А-а, – разочарованно протянул Остап. – И что же они, власти, спрашивали?

– И о фотографe Мацкове... А вы назвали его Мацкиным Михаилом Семеновичем, товарищ...

Бендер не стал её разубеждать в правильности фамилии своего разыскиваемого и промолчал. А она продолжала:

– Спрашивали и о Елене Карловне Мильх. Но в основном, как я поняла, товарищ, они тоже интересовались фотоальбомом этого фотографа.

– Да, снимки из него нам бы очень сейчасгодились и для газеты, и для репортажа.

– Интересно было бы, знаете, нашим радиослушателям, – поддакнул Балаганов.

– Сожалею, что ничем не могу помочь, товарищи...

– Ну что же, нам остается только поблагодарить вас, товарищ Абанина.

– Благодарствуем... – встал и Балаганов.

И уже выходя из камеры хранения вещей отдыхающих, Бендер спросил:

– Да, а где мы можем увидеть завхоза санатория товарища Денисова Владлена Яковлевича? – Хотя в душе он понимал, что и беседа с ним ему ничего нового не даст, но всё же спросил по своему правилу: «От всех по крупице и ясная картина». Спросив о Денисове, он увидел резкую перемену на лице Абаниной.

Алиса Евгеньевна встала и придушенно переспросила:

– Владлена Яковлевича?

– Да ведь это завхоз ваш?

– Был. Недавно его арестовали, – тихо вымолвила смотрительница камеры хранения вещей отдыхающих и библиотекарша.

– Сожалею, весьма, – покачал головой Бендер. – До свидания.

Когда компаньоны вышли Остап сказал:

– Вот почему она встретила нас так настороженно, Шура.

– Я тоже так понимаю, командор. И ехать сюда не нужно было...

– Как это не нужно было? – остановился Остап перед своим помощником. – А имя сестры фотолаборанта? Елены Карловны Мильх? – пошел к машине Бендер недовольный словами своего ассистента-оппонента.

Рассказав ожидающему их Козлевичу о результате своего посещения бывшей гувернантки владельцев дворца, Бендер сидел и не давал указания своему автоводителю куда ехать.

Все трое молчали. Наконец Остап сказал:

– Поскольку мы на полпути к Алупке, камрады, поехали туда, Адам. Посмотрим на дворец, по парку погуляем...

– И то верно, Остап Ибрагимович, – тронул машину с места старшевозрастной единомышленник.

– А что, и позавтракать там сможем, командор, – улыбнулся Балаганов, бросив взгляд на него.

Остап ничего не ответил, он был в глубоком скучном раздумье, что было в несвойственно его неунывающей натуре. «Где искать этого уже не фотовладельца салонов Мацкина, а его фотоальбом? Таинственный фотоальбом, в котором кроется тайна связанная с кладом графини. Если верить старпому с «Тринакрии»? Одни вопросы и ни одного вразумительного ответа», – вздыхал Бендер, откинувшись на мягкую спинку сидения.

Глава 6. «Вы так неожиданно сошли с поезда...»

В Алушке погода была не по осеннему летняя. Оставив «майбах» под присмотром уже знакомого им владельца экипажа, компаньоны прошли в парк. Разговаривали мало. Шли навстречу солнцу, ступая по гравийным дорожкам парка. По ветвям деревьев порхали неугомонные синицы. Дрозды разгребали опавшую листву, находя себе корм. Карусельные разбрызгиватели орошали поляны, отчего они были ярко зелены и прохладны.

Беззаботному курортнику приятно в такое утро пройтись по аллеям парка. Помедлить пару минут у пруда, вынуть из кармана нащипанные корки хлеба, оставшиеся от санаторного завтрака, полюбоваться на гордо плывущих лебедей и бросить им корм, спугнув всплеском воды рыбешку с золотистой окраской.

Компаньоны подпали под влияние утра парковой красоты и белоснежных лебедей. На время всем троем показалось, что они курортники и ничем не обременены. Что они уже нашли то, за чем приехали. Что они удачливы, прогуливаются вот сейчас среди изумительной природной красоты и радуются жизнью.

Внезапно дорогу компаньонам преградил человек с фотокамерой типа «фотокор» и просительно обратился к ним:

– Вы не могли бы, товарищи, сфотографировать меня? Я тут все уже навел на то место, где встану. Пожалуйста...

– А что, можно, – согласился Остап, он еще не разу не фотографировал. Но поскольку его мысли всё время крутились возле слов: фотограф, фотолаборант, фотоальбом, его потянуло сейчас сделать снимок просителю.

Незнакомец встал возле платана, а Остап прицелился фотокамерой на него и когда хозяин прокричал: «нажимайте», Бендер надавил на спуск, который тот ему указал до этого. После съемки, незнакомец начал горячо благодарить Бендера, а вставляя новую кассету сказал:

– Попросил ту пару, так им лень было встать со скамейки, – указал он на скамью под развесистой сосной. Там сидели мужчина и женщина. Бендер машинально посмотрел на них и невольно задержал дыхание, как охотничий пес, почуяв дичь. Смотрели туда и его компаньоны. Затем, не сговариваясь, все трое направились к сидящим. Они сидели к компаньонам боком, но когда единомышленники-искатели подошли к скамье, то ошибки не было. Перед ними сидели Екатерина Владимировна и её «Вадим».

– О, какая встреча – радостно воскликнул Бендер.

– Здравствуйте – не менее восторженно выпалил Балаганов.

– Гора с горой, а человек с человеком – провел рукой по усам Козлевич.

Застигнутые врасплох неожиданным явлением своих сухумских благодетелей, Екатерина и Ксенофонтов поднялись и, сделав небольшую паузу, промямлили, как нашкодившие школьники, свои приветствия:

– Здравствуйте...

– Встретились... Вот, здравствуйте, товарищи...

– Вы так неожиданно сошли с поезда? – говорил Остап, внимательно глядя на Ксенофонта и Екатерину.

– Да, так получилось... – замялась женщина. – Вадим утром вышел из купе... и встретил сажащегося в поезд сослуживца... – начала объяснять она.

– Сослуживец сажился в поезд на ходу? – сделал большие глаза Бендер.

– Нет, поезд как раз стоял в Ростове... – промямлил Вадим.

– А-а, стоял... – с иронией протянул «газетчик-порученец Асланова».

– Да, стоял, – кивнула Екатерина. – Так этот сослуживец сказал, что мы уже опоздали, дядя умер, и нет уже надобности ехать в Москву... – сочиняла Екатерина. – А надо в Ростов,

так как гроб умершего будет перевезен туда и похоронен рядом с его женой, моей тётёй... – с горестным видом говорила бывшая горничная графини, а сейчас горничная кают на пароходе Черноморья. – Поэтому мы и поспешили высадиться в Ростове... Вы так крепко спали, – улыбнулась она Бендеру, – что мы не осмелились вас будить. Простите нас за нашу неблагодарность к вам, уважаемый Степан Богданович и вы, уважаемые товарищи, – взглянула она на стоящих рядом со своим руководителем Балаганова и Козлевича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.